

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801.310.4 : 802.0

Т. В. АЛЕЙНИКОВА

Омский государственный
технический университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭТИКИ

В данной статье рассматриваются логические и этимологические предпосылки формирования и интерпретации некоторых терминов основных этических понятийных концептов: *ethos*, *conscience*, *belief* в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Ключевые слова: когнитивно-понятийные концепты, английская терминология этики, язык и сознание.

Последние исследования в области психолингвистики, контрастивной и когнитивной лингвистики, а также лингвокультурологии свидетельствуют о необходимости по-новому взглянуть на то, как воплощается, выражается в языке мыслительное содержание. При когнитивно-дискурсивном подходе значение слова соотносится прежде всего со всем объемом знаний об обозначаемом и в центре внимания оказывается важнейший объект исследования — концепт, который понимается как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура.

Кроме того, концепты составляют тот фонд понятий, из которого извлекаются мыслительные единицы в процессе научного познания мира. В отличие от других когнитивных структур концепт обладает важной особенностью — вербализацией. Как элементы концептуальной картины мира концепты интегрируют

и субъективные смыслы, и общепринятые конвенциональные значения, т.е. все потенциальное смысловое содержание познаваемого объекта или явления. В этой смысловой «многогранности» заключается сложность восприятия и интерпретации концептов. В интерпретациях такого рода на первый план выступает проблема соотношения языка и сознания.

Можно говорить в таком случае, что идеи когнитивной лингвистики о взаимосвязи обыденного и научного сознания становятся основой для лингвистической интерпретации сложных процессов формирования и развития предметно значимых концептов и категорий. Действительно, во всех сферах человеческой деятельности необходимой основой выступает закрепленная в концептах информация о накопленном коллективном опыте человечества. Накопление информации, как известно, связано с преемственностью

знаний и интернациональным характером развития науки. Истоки многих терминологий, включая исследуемую нами этическую, а также философскую и других социальных наук, восходят к словам национальных языков, однако, онтологически могут с ними не совпадать, так как многие элементы специальных языков были известны до формирования литературных языков. Рассматривая логические и этимологические предпосылки формирования и мотивировки терминов основных этических понятийных концептов, можно обнаружить весьма разнообразные семантические смыслы и при общности понятийного аппарата в системе изучаемого языка выявить специфику национальной концептосферы [1, с. 320].

Так, совр. англ. **ethos** (от греч. **ἦθος** — *нрав, характер, обыкновение*) *этос* является многозначным понятием с широкой семантикой. У древних греков понятие **ἦθος** имело широкий спектр значений: **usage, character, personal disposition** *привычка, обычай, обыкновение, душевный склад, характер человека* [2, с. 156]. **Ethos** считался подверженным изменениям и противопоставлялся **physis** *физису* — **nature** *природе человека*, которая полагалась не подвластной ему и неизменной [2, с. 351]. В древности **ἦθος** обозначало обычное местопребывание животных и человека: *жилище людей, стойло, логово, гнездо* (в этих значениях слово **ethos** встречается уже у др.-греч. поэта Гомера (ок. VIII в. до н.э.)). Затем слово **ethos** приобретает новый смысл: *нрав, обычай, характер, образ мыслей* [3, р. 126]. Этими смыслами понятие **ἦθος** наполняет философия: Эмпедокл (490 — 430 до н.э.) говорит об *этосе* первоэлементов, Пифагор (VI — V в. до н.э.) — как об устойчивом нравственном характере; *этос* у Гераклита (540 — 480 до н.э.) — это природа или характер всех явлений, включая и человека. Дошедшее до нас и ставшее «крылатым» изречение Гераклита «характер человека **ἦθος** есть его судьба» воплощает в языковой формуле античное представление о характере и поведении человека. Слово **ethos** лежит в основе слова **ethika** (IV в. до н.э.) — совр. англ. **ethics** [3, с. 126]. В XIX в. от него образован термин **ethology** *этология*, который согласно Дж.С. Миллю (1806 — 1873), английскому философу-позитивисту, означал *науку о характере*, а по Ж. Сент-Илеру — науку о поведении животных. Немецкий психолог, философ и языковед В. Вундт (1832 — 1920), употреблял его применительно к проблемам психологии народов [4]. В совр. языке данный термин используется для выделения **descriptive ethics** *дескриптивной этики* или **moral ethnography** *моральной этнографии*, а также используется и в качестве нравственно-эстетической и этикологической категории.

Аристотель (384 — 322 до н.э.), основатель и систематизатор этики, трактовал **ἦθος** в «Никомаховой этике» (ок. 300 до н.э.) как *способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности*. Греки использовали и понятие **πάθος** > **pathos** *патос* как **arousing the emotions** *душевное переживание*, которое часто противопоставлялось *этосу* [2, с. 340]. Если **ethos** описывал *спокойный, нравственный характер, разумный стиль поведения*, то **pathos** определял поведение *беспокойное, неупорядоченное и порой аффективное*. По-видимому, позднее многозначность данного термина сохраняется. Так, согласно немецкому мыслителю и политику М. Веберу (1864 — 1920), понятие «хозяйственный этос» не только означает совокупность правил житейского поведения, но и практическую мудрость. Далее амер. социолог Р. Мергтон (р. 1910) применил понятие **ethos**

в рамках социологии науки, обозначая набор согласованных норм, социально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, довлеющих над «научным братством» [5, с. 600].

Совр. понятие **ethos** позволяет достаточно четко отличать феномен **ethos** *этос* от **mores** *нравов*: это понятие адекватно для обозначения промежуточного уровня между пестрыми нравами и собственно **moral**, т.е. *сущим и должным* [2, с. 300]. Для проведения такого рода отличий и всестороннего рассмотрения данной проблематики имеет смысл использовать и однопорядковое с **ethos** понятие «хабитус» от лат. **habitus** — *обычай*, употреблявшееся еще классиком немецкой философии Г.В.Ф. Гегелем (1770 — 1831). Оно позволяет отличать условную «мораль по обычаю», с ее реально-должным, от безусловной морали как идеально должного. **Habitus** акцентирует социальную обусловленность поступков, всей линии поведения, давление социальных обязательств, «предрасположенностей» по выражению английского философа и логика К. Поппера (р. 1902). Данное понятие **habitus**, как и понятие **ethos**, позволяет глубже осознать парадокс нравственной автономии, когда социум предоставляет духовно развитой личности полную свободу морального выбора в расчете на то, что она сама на основе нравственных убеждений сможет осознать свой долг и возложить на себя соответствующие ответственность и санкции. Термин **habitus** позволяет лучше понять парадокс поведения человека, когда поступки могут приводить к цели, не будучи сознательно направленными к ней: «**habitus** — *необходимость, ставшая добродетелью*» [4].

Таким образом, понятие **ethos** позволяет выделить нормативно-ценностную составляющую в социокультурной деятельности. Данный термин классической античности **ethos**, являясь одним из ключевых в этико-философском дискурсе, в истории становления этической науки приобретает различные смыслы, что обусловлено многообразием различных этических концепций и систем.

Другой английский термин **conscience** *сознание* был заимствован в среднеанглийский период из французского языка. Французский **conscience** восходит к латинскому **conscientia** *совесть, осознание* (префикс **con** означает одновременно и *совместимость* и *завершенность*, а вместе с **science** *знанием* — *достигнутое знание* и *совместное знание*, т.е. знание, тождественное у многих людей и завершенное, осознанное). Латинское слово **conscientia**, представляющее собой смысловую кальку с греческого, употреблялось для обозначения не только *сознания* вообще, но и *сознания* или *воспоминания* о совершенных *дурных поступках*, или *сознания, оценивающего собственные поступки как достойные или недостойные* [2, с. 93].

Греческое слово **εἰσῆξις** *совесть* буквально *совместное знание*, т.е. знание вместе с кем-то, позднее *знание вместе с самим собой* от корня **eid-** (**eida** *я знаю*) является культизмом. Оно впервые появилось в эллинистической философии. В ней под *совестью* разумелся некий божественный дух, живущий внутри человека и выполняющий особую функцию, удерживая человека от дурных поступков. В древнегреч. мифологии функцию блюстительниц правды выполняли богини мести и кары Эринии, вместе с тем совесть, по отношению к раскаявшимся, выступала в образе благодетельницы Эвдемыды [6, т. 2, с. 666]. В художественной литературе греч. термин, как полагают, впервые зафиксирован в значении *совесть*, осознание своей вины в конце IV в. до н.э. в трагедии

Эврипида «Орест», герой которой после убийства матери восклицает: «Совесть, ведь я сознаю, что совершил ужасное»; (Oreste, 396). У поздних стоиков и известного римского классика философской прозы М. Т. Цицерона (106 – 43 до н.э.), в «Тускуланских беседах» предметом совести человека является чистота его собственной добродетели.

Самостоятельно термин *совесть* начал употребляться в Деяниях и Апостольских посланиях, более всего в Посланиях Апостола Павла, с именем которого обычно связывается становление этого понятия. Введя в Новый Завет слово *совесть* и соответствующее ему понятие, Апостол Павел сделал его атрибутом христианской веры, ибо *совесть* есть не что иное, как *голос Бога в человеке*.

В Средние века понятие *совести* постоянно привлекало к себе внимание теологов и заняло важное место в христианской этике. В центре внимания становятся следующие вопросы: место совести во внутреннем человеке, состав совести, отношение совести к религии, социальной философии и этике. Интересно отметить, что в теологических текстах вошел в употребление особый термин — **synderesis**, дополнительно к традиционному лат. **conscientia**. Этот термин впервые встречается в Комментариях Св. Иеремии (**Hirenymus**, 340 – 420), теолога и автора перевода Св. Писания на лат. язык, на Книгу Пророка Иезекиила. Этим термином **synderesis** в средневековой литературе стали обозначать *общее знание моральных принципов*, сохраненное человеком после грехопадения, в то время как **conscientia** рассматривался, как *способность человека оценивать конкретные поступки как добрые, так и злые* [5, с. 449]. Хотя термин **synderesis** позднее вышел из обихода, представление о совести как посреднике между Божественными установлениями и их применением к частным случаям отозвалось в последующих этических учениях. В исп. языке до сих пор употребляется термин **sinderesis**, означающий *способность человека выносить правильные суждения*.

Осмысление *совести* в юридическом смысле связало ее с церковным судом — исповедью. В христианских общинах уже со II в. практиковалась публичная исповедь, причем существовала достаточно строгая регламентация грехов и соответствующих им наказаний. С VII в. была введена индивидуальная тайная исповедь перед священником. В 1215 г. Четвертый Латеранский собор вменил в обязанность верующим исповедовать свои грехи не реже одного раза в год. Исповедь и последующее наложение искупительных наказаний получили название *суда совести* (**Tribunal conscientiae**). Тем самым суд Бога, вершившийся в душе человека, был заменен судом церкви, а глас Божий — голосом человека. В протестантизме *совесть* приравнивается к вере. Как и вера, она абсолютна.

Проблема композиционного состава *совести* неизменно привлекала к себе внимания теологов и философов. Это объясняется тем, что *совесть* устойчиво ассоциировалась с внутренним судом, структура которого сложна и в ней задействованы разные сферы внутреннего человека. Так, *совесть* можно назвать *самоконтролирующей моральной рефлексией*, внутри которой, по мнению выдающегося представителя немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегеля (1770 – 1831), человек пребывает в глубочайшем внутреннем одиночестве, лишь с самим собой. «Она уединение внутри себя самого; умонастроение волею то, что есть добро» [7, с. 155]. Согласно родоначальнику немецкой классической философии И. Канту (1724 – 1804), *совестью* обладает каждый человек знача-

льно (априорно), но не все прислушиваются к ее голосу и обращают на нее внимание, отсюда бессовестность — не отсутствие совести, а пренебрежение ею. В своем фундаментальном сочинении по этике «Критике практического разума» (1788) он отмечал, что совесть то великое, что возвышает человека над самим собой, и эту «удивительную способность в нас, которую мы называем совестью», Кант полностью связывает со свободной волей человека [8, с. 363]. Важно подчеркнуть, что в отличие от религиозного понимания совести, видевшего в ней голос Бога в душе человека, Кант считал, что *совесть* — это практический разум, напоминающий человеку о его долге, это «сознание внутреннего судилища в человеке» [8, с. 832]. Этим положением Кант развил идею автономии личности, которая независимо от общества определяет нравственный закон.

В западной философии и психологии *совесть* вслед за З. Фрейдом (1856 – 1939), создателем психоанализа, часто трактуется как **Super-Ego** «Сверх-Я». Это **Super-Ego** формирует у человека «Я-идеал», который осуществляет в качестве совести моральную цензуру. Фридрих Ницше, яростный критик религиозной нечистой совести, видел подлинную совесть укорененной в самоутверждении, в способности сказать да своему Я [9, с. 438 – 440]. По мнению американского философа и гуманиста Э. Фромма, «Сверх-Я» — это только одна из форм *совести* — так называемая авторитарная совесть, наряду с которой, существует и гуманистическая совесть, представляющая собственный голос человека, выражение его личного интереса и целостности. Русские философы XIX – начала XX веков: В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др. считали, что *совесть* — это присущее человеку *знание абсолютного добра, правды о должном, истинником которого является Бог*. В современных определениях *совести* отмечается ее интуитивный характер, подчеркивается, что *совесть* функционирует как на сознательном, так и на бессознательном уровне, и является *нравственным сознанием человека* [10, с. 540].

Эта связь *совести* и *сознания* сохранилась в большинстве европейских культур. Во всех романских и ряде герм. языков эти понятия обозначаются одним термином: фр. **conscience**, ит. **conscienza** (в значении *сознание* употребляется также **consapevolezza**), исп. **conscientia**. В английском языке лишь в XVIII веке стали различать **consciousness** *сознание, осознание* и **conscience** *совесть*. В немецком языке понятия *совести* и *сознания* различаются благодаря разным переводам лат. **conscientia**: **das Gewissen** означает *совесть* (так Мартин Лютер перевел лат. **conscientia** в НЗ Библии (1522 – 1534)), а **das Bewusstsein** — *сознание* (так перевел **conscientia** картезианцев Кристиан Вольф). В современном английском языке **conscience** образует разнообразные терминологические сочетания: **freedom of conscience** — *свобода совести*, **elastic conscience** — *легко успокаивающаяся совесть*, **good/clear conscience** — *чистая совесть*, **guilty/bad/evil conscience** — *нечистая совесть*; которые раскрывают различные аспекты этого комплексного понятия [11, с. 22].

Рассматривая логические предпосылки формирования терминов следующего ключевого этического понятия *веры*, можно обнаружить весьма разнообразные семантические смыслы. **Belief** как научный термин восходит к др. -англ. **geleafa**, позднее **bileafe**, для выражения христианского понятия *веры* и является готским нововведением [2, с. 38]. Однако развитие понятия *веры*, как важнейшей религиозно-этической

категории, отражающей свободное принятие человеком трансцендентного, идеального преображения жизни, характеризуется весьма разнообразным словоупотреблением.

Так, *вера* в религиозном аспекте возникает на основе древнейших языческих представлений об обращении к божеству с молитвой, просьбой, жертвой и т.д. Общеиндоевропейское значение *верить*, *уповать*, *питать доверие* выражается древним словосочетанием (позднее словосложением) *k`lret`-d`leh* — буквально: *класть сердце*; др.-инд. *s`rad-dha* *доверие*, *srad-dadhati* *доверяет*, *srat te dadhami* (Ригведа, X) *я тебе верю*, др.-хет. *k(a)ratán dai* — *вложить сердце* (от слова *k(a)rat* — *сердцевина, внутренность* при корне *ker//kard* — *сердце*) и т.д. [12, т. 2, с. 800]. Так, в качестве компонента, этот оборот представлен в лат. языке у глагола *верить credere*, ср. лат. *credo* *верю* (буквально это можно истолковать, скорее, как *сердце даю*, чем *сердце кладу*). Указанный индоевропейский корень дал в лат. и греч. языках другие наиболее адекватные термины для понятия *вера* — лат. *fides* жен. р. — калька с греч. *pfstis* жен. р., выделяя дополнительные семы *доверия*. В греческой культуре дохристианского периода исходный концепт как в положительной форме *pfstis* *доверие*, так и в отрицательной *apistia* *недоверие* впервые засвидетельствован у Гесиода (ок. 700 г. до н.э.) и у Феогнида (втор. пол. VI в. до н.э.), так, например, у Гесиода: «доверия и недоверия погубили мужей» (Соч., фрагм. 372). Но это слово не имело отношения к религии, зато широко употреблялось в философии и праве. Лишь в христианскую эпоху с ним связывается понятие *веры*, веры в Бога, в Христа.

Однако, что касается готского языка, то и.-е. корень *bhoidh* / *bheidh* для выражения христианского понятия *вера* не был использован. Первый готский христианский проповедник Ульфила (*Wulfila* — буквально значит «волчонок», 311 — 382), переводя Св. Писание на готский язык, создал для этого понятия новый термин — *galaubeins*, от другого и.-е. корня **leubh-* *любить*, от которого образованы гот. *ga-laubjan* *верить* [13, с. 59], др.-в.-нем. *gi-louben*, гот. *lubains* *надежда* (соответствующего ст.-слав. *любъ*) [14, с. 136]. Причина такой замены лежит, по-видимому, в том, что христианизированные готы старались всячески избегать смешения новых, христианских верований, обрядов, символов со старыми, языческими. Так, для записи своего перевода Библии Ульфила изобрел новый готский алфавит, потому что древний германский алфавит — руны считался непригодным для христианских текстов. Так же и в случае с концептом «*вера*» — вероятно, в старом корне и старых словах слишком ощущалась для готов идея «внешнего обязательства». Далее, глагольное выражение концепта, благодаря развитой системе префиксов др.-англ. языка, образует собственный англ. глагол *belyfan*, *belefan* > совр.англ. *believe* [15, с. 130]. Дальнейшее развитие глагола было достаточно закономерным: по линии данного значения развивается сущ. *bileafe* > совр.англ. *belief*. Таким образом, для перевода греческого *pfstis* и лат. *fides* в его новозаветном понимании создаются новые термины — готское *galaubeins* у Ульфила, славянское *в-ѣра* — у Кирилла и Мефодия. Сама видимая легкость такого перевода была обусловлена большим сходством понятий *веры* в трех языках культуры — греческом, еврейском и латинском. Но факт перевода внес некоторые существенные моменты: в обоих языках, и готском и славянском, оказались подчеркнуты новые семантические компоненты, которые в латинском и греческом, в силу внутренней формы этих

слов, не выражались, а именно *особая ценность* (ср. гот. *ga-laufs* *ценный*, гот. *liufs* *горогой*, др.-исл. *liufr*, др.-в.-нем. *liob*) [14, с. 136], надежность доверия (сл. *в-ѣра* *верный, надежный, располагающий к доверию*).

Вот какое примечание к ульфиловскому переводу этого термина делает итальянский историк культуры Ф. Кардини: «Готское *trauan*, казалось бы, достаточно полно передает смысл термина лат. *fides*, то есть *доверие, верность*. Однако *fides* в словоупотреблении Павла есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом», то есть нечто совсем иное, чем *верность* или *доверие*, качества, по-своему тоже весьма ценные, особенно в военном обществе. Прибегая к помощи термина *galaubeins*, связанного с такими понятиями, как *драгоценный, горогой, гостопочтенный*, Ульфила, по-видимому, еще раз хотел подчеркнуть драгоценный характер этой добродетели, равно как и необходимость почитать и уважать божественное творение. Верующий, следовательно, тот, кто чтит Бога [16, с. 183].

В христианской традиции *вера* рассматривается наряду с *надеждой* и *любовью* как одна из богословских добродетелей. В философии Нового времени формируется представление о *вере* как о специфической составляющей морального познания. Итак, понятие *вера* включает и моральные ценностные смыслы и религиозные ценностные семы, что отражается в широкой синонимии термина. Франц. заимствования *credit*, *credence* от лат. *creditum*, а также морфологические дублиеты данной основы: *credibleness*, *credibly*, *credulity*, *credibility*, *credibly* и фр. *feid*, *feit* > англ. *faith* от лат. *fides*, проникшие в ср.-англ. из франц., закрепились в национальном языке и образовали синонимические ряды с англ. термином *belief*. В совр. англ. языке данные синонимы хорошо освоены и являются ядерными для многочисленных терминологических сочетаний: *abiding, enduring, steadfast faith* — *прочная вера*; *deep, strong, unshakable faith* — *сильная вера*; *the true faith* — *правоверность* [11, с. 35]; *basic/doctrinaire belief* — *основное убеждение*; *erroneous/false/mistaken belief* — *ошибочное убеждение*; *firm/strong/unshakable belief* — *твердое убеждение, непоколебимая вера*; *popular/prevalent belief* — *широко распространенное убеждение*; *unpopular belief* — *непопулярное мнение, нераспространенное мнение* [11, с. 15].

Таким образом, исследование терминологии этики в свете когнитивной парадигмы предполагает изучение когнитивно-понятийных концептов данной научной сферы и определения взаимосвязи между структурами знания и их языковым выражением. В общем пространстве английской терминологии этики мы представили на рассмотрение несколько предельно широких по значению и национально-маркированных концептов, а именно: *ethos, conscience, belief*. Следует отметить, что исследование концептуального содержания и сложных и неоднозначных процессов формирования и развития данных профессионально значимых категорий показал, что понятийная основа данных этических терминов обладает когнитивным потенциалом и имеет дело с постоянно движущимся лингвокультурным материалом, впитавшим в себя смысл исторического развития [17].

На наш взгляд, логико-понятийный и категориальный анализ представленных концептов и их историко-этимологических основ расширяет и углубляет представления о характере и особенностях семантической структуры номинативной сферы английских этических терминов. Поскольку понятия и термины этико-философской проблематики обладают определенной

специальной и социальной информацией и кодируют знания, представляющие ценность для общества, то становится все более очевидным, что они требуют внимательного изучения и систематизации.

Библиографический список

1. Алейникова, Т. В. Опыт историко-этимологического описания некоторых этических концептов (на материале английского языка) / Т. В. Алейникова // Концептуальные исследования в современной лингвистике. — Санкт-Петербург-Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010. — 560 с.
2. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Ed. by T.F. Hoad. Oxford University Press, 1996. — 552 p.
3. The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford University Press, 1996. — 418 p.
4. Философский энциклопедический словарь / Редкол. : С.С. Аверинцев и др. — 2 изд. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — 814 с.
5. Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. — М. : Гардарики, 2001. — 671 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. К — Я / Гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1988. — 719 с.
7. Гегель, Ф. Сочинения / Ф. Гегель. — М., 1936. — Т. VII. — 384 с.
8. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. — М. : Мысль, 1999. — 1472 с.
9. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1990. — С. 438 — 470.
10. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. — М. : Эксмо, 2003. — 672 с.

11. Алейникова, Т. В. Англо-русский словарь этических терминов : Ethics / Т. В. Алейникова. — Омск : ОмГТУ, 2005. — 88 с.

12. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984.

Кн. 1. — 428 с.

Кн. 2. — С. 429 — 1328.

13. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. — М. : Издательский дом «Диалог», 1999. — 416 с.

14. Мейе, А. Основные особенности германской группы языков / А. Мейе. — М. : Иностранная литература, 1952. — 168 с.

15. Алексеева, Л. С. Древнеанглийский язык. / Л. С. Алексеева. — М. : Высшая школа, 1971. — 253 с.

16. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства : пер. с ит. / Ф. Кардини. — М. : Прогресс, 1987. — 183 с.

17. Алейникова, Т. В. Английская терминология этики как интегративная система / Т. В. Алейникова // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2010. — № 4 (89). — С. 84 — 88.

АЛЕЙНИКОВА Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: tanya_aleynik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2011 г.

© Т. В. Алейникова

УДК 803.0 : 801.316.4

А. М. КЛЁСТЕР

Омский государственный
технический университет

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Данное исследование посвящено комплексному подходу в изучении семантических связей немецких терминов инженерной психологии — научной дисциплины, изучающей объективные закономерности процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек — машина — среда».

Ключевые слова: немецкая терминология инженерной психологии, семантические связи.

В процессе функционирования значения терминов вступают друг с другом в парадигматические отношения, образуя при этом разного рода лексико-семантические объединения. Парадигматические отношения характеризуют нелинейную организацию однородных по смыслу лексических единиц. Парадигмы слов организуются на основе общих, интегральных, семантических признаков и различаются дифференциальными признаками, которые противопоставляют друг другу членов парадигмы. Вся лексико-семантическая парадигматика строится на интегрально-дифференциальных семных взаимодействиях, являющихся основанием системных связей терминов.

Цель данной статьи — проанализировать семантические отношения немецких терминов инженерной психологии, а именно: 1) сложные парадигматические группировки — отношения синонимии; 2) простые

парадигматические группировки — отношения антонимии; 3) внутрисловные семантические отношения — полисемии.

Прежде всего, рассмотрим явление синонимии в изучаемой терминологии.

Существуют следующие точки зрения:

1. Синонимия в терминологии отсутствует, речь может идти о дублетах: «В терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют разные его свойства... Синонимы в терминологии имеют иную природу и иные функции. Здесь они, как правило, не выполняют стилистических функций. Причинами возникновения синонимов (дублетов) в терминологии чаще всего являются разные источники формирования терминов. Синонимия обычно характерна для начальных этапов развития терминосистем, когда еще не произошел

естественный и искусственный отбор более удобного термина и в синонимические отношения вступают термины отечественные и чужие, означающие одно и то же понятие, терминологические сочетания и одно слово, синонимичное первому» [1, с. 55 – 56].

II. Терминологическая синонимия – очень распространенное и закономерное явление. В данном исследовании мы, вслед за Котеловой Н.З., утверждаем, что терминам свойственна синонимия и это явление функционально оправдано. Термины-синонимы могут быть использованы для номинации близких понятий, а также со стилистической целью, когда они обозначают одно и то же понятие [2, с. 122 – 123].

Большинство ученых придерживаются мнения о том, что синонимические отношения являются нежелательными и даже вредными в терминологии (Л.Б. Ткачева [3], Е.Н. Толикина [4] и др.).

Вопрос о классификации синонимов является также спорным. Особое место здесь занимают разногласия в понимании абсолютных синонимов, частичных синонимов и дублетов. Так, А.П. Евгеньева придерживается мнения, что в качестве синонимов нельзя рассматривать узкоспециальные термины, которые употребляются только в какой-либо научной, технической, профессиональной области, не выходя за ее пределы [5, с. 7].

В своей работе С.В. Гринев выделяет абсолютные синонимы, т.е. единицы с тождественным значением, и условные синонимы, т.е. единицы с подобным значением, которые в определенных условиях могут использоваться как абсолютные. Среди абсолютных синонимов автор выделяет варианты – абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина, и дублеты – абсолютные синонимы с разной формой [6, с. 109].

В своем исследовании Л.Б. Ткачева изучает отношения между терминами «абсолютный синоним» и «дублет» и делает следующий вывод, что наиболее адекватно выражает наличие нескольких наименований для одного означаемого именно термин «терминологическая синонимия» [3, с. 125].

Немецкая терминосистема инженерной психологии, как показало проведенное исследование, динамично развивается, это терминосистема молодой науки, и поэтому наличие синонимических отношений в ней не вызывает сомнений.

Для описания анализируемого терминологического материала мы использовали следующие лингвистические термины: *термины-синонимы* – это единицы одного и того же языка с тождественным или подобным значением. Мы признаем наличие *абсолютных синонимов* – единиц с тождественным лексическим значением – и *частичных синонимов* – терминов, максимально приближенных друг к другу вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей [7, с. 49]. Среди абсолютных синонимов мы различаем *дублеты* – синонимы, получаемые вследствие вариации формы термина, – и *эквиваленты* – формально разные термины, имеющие равнозначное семантическое наполнение. Эти термины могут заменять друг друга в контексте без малейших семантических потерь. К *частичным синонимам* мы отнесем *разноязычные термины* с тождественным или подобным значением, «квазисинонимы» – термины, относящиеся к подобным предметам, но взаимоисключающие друг друга [7, с. 48].

В нашей статье мы проводим анализ синонимов данного подъязыка с точки зрения:

- 1) выявления причин, способствующих появлению синонимических рядов;
- 2) количества терминов в синонимическом ряду;

3) структуры терминов, входящих в данные синонимические ряды;

4) принадлежности их к внутриотраслевым или межотраслевым терминам.

Итак, появление синонимических рядов обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. К лингвистическим факторам можно отнести стремление носителей языка полнее отразить объективную реальность, выразить средствами языка отдельные признаки понятий, на которые следует обратить особое внимание. Среди основных экстралингвистических факторов следует назвать рост контактов между специалистами одной и той же области науки и техники, увеличение потока информации, ведущее к тому, что многокомпонентные терминологические сочетания заменяются их краткими вариантами, в результате чего в терминологии функционируют оба варианта термина – полный и сокращенный. Неизбежна связь одной области науки с другой, и, как следствие этого, заимствование терминов из одной области науки в другую, что непосредственно приводит к возникновению межотраслевой синонимии. В состав большинства синонимических рядов немецкой терминологии инженерной психологии входят англо-американские заимствованные термины, что связано с интенсивным их заимствованием в немецкий язык на втором и третьем этапах развития изучаемой терминологии.

Проведенное исследование показало, что в выборке немецких терминов инженерной психологии общим объемом 3512 терминологических единиц 1922 термина имеют синонимы, что составляет 54,7 % от всей выборки. Нами выявлено существование 846 синонимических рядов, в которых количество терминов колеблется от двух до десяти.

Синонимические ряды, содержащие два термина, наиболее распространены в изучаемой терминологии. Они представлены в количестве 689, т.е. 81,5 % от общего количества синонимических рядов, например: **Bedienanweisung – Bedienkommando** – инструкция по уходу, обслуживанию или эксплуатации; **Instrumentengehäuse – Instrumentenkasten** – приборный отсек и т.д.

Нам удалось выделить 116 синонимических рядов, содержащих три термина, что составляет 13,7 % от общего числа синонимических рядов, например: **Kreisdiagramm – Kreissektordiagramm – Tortendiagramm** – круговая диаграмма; **Humanfaktoren – menschliche Faktoren – menschliche Einflußgrößen** – человеческие факторы и т.д.

Синонимические ряды, включающие четыре термина, не столь многочисленны. Так, наша выборка содержит 23 синонимических ряда данной длины, а это 2,7 % от общего количества синонимических рядов, например: **Operator – Anlagenfahrer – Bediennmann – Leitstandsfahrer** – оператор; **Controller – Steuereinheit – Steuerwerk – Leitwerk** – устройство управления, контроллер и т.д.

Лишь 11 синонимических рядов содержат по пять терминологических единиц, что составляет 1,3 % от числа синонимических рядов нашей выборки, например: **Anzeiger – Anzeigeeinrichtung – Anzeigegerät – Anzeigeelement – Panelmeter** – индикатор, индикационное устройство; **Anmelden – Anmeldung – Logon – Einloggen – Login** – регистрация (процедура идентификации пользователя при вхождении в компьютерную систему).

Анализируемая выборка содержит четыре синонимических ряда, в состав которых входит шесть терминов, что составляет 0,5 % от общего количества си-

нонимических рядов, например: **Anwender – Benutzer – User – Nutzer – Klient – Verantwortlicher** – *пользователь* и т.д.

Кроме того, нам удалось выявить по одному синонимическому ряду из семи, восьми и десяти терминов, например: **Hotkey – Shortcut – Schnellaste – Tastaturbefehl – Tastenkombination – Tastatur-Shortcut – Tastenkürzel** – «горячая» клавиша (*клавиша быстрого действия*); **Befehlsfolgeregister – Befehlsregister – Befehls-Latch – Befehlszähler – Befehlszählerregister – Operationszähler – Programmzähler – Zählerregister** – *регистр команд*; **Rechner – Computer – Rechenanlage – DV-Anlage – Datenverarbeitungs-anlage – EDVA – Elektronendatenverarbeitungsanlage – Computersystem – Personalcomputer – PC** – *персональный компьютер*. Вклад перечисленных синонимических рядов в общее количество данных структур составляет по 0,1 % от каждого из них.

При анализе выборки терминов нами было выявлено, что в синонимические ряды входят как абсолютные синонимы, так и частичные синонимы, причем существование столь большого количества абсолютных синонимов, очевидно, не может не оказывать влияние на эффективность процесса профессиональной коммуникации, так как может привести к недопониманию, а частичные синонимы (частичные межотраслевые) не являющиеся препятствием к пониманию специалистов в изучаемой области знания.

Одной из широко представленных семантических оппозиций в терминологии инженерной психологии является антонимическая парадигма. Антонимия в анализируемой терминологии представлена не столь ярко, как синонимия, но, несмотря на это, мы в настоящем исследовании сочли необходимым рассмотреть данное лингвистическое явление. Всего наша выборка общим объемом 3512 терминологических единиц насчитывает 43 антонимические пары.

Под *антонимической парой* в своем исследовании мы понимаем семантическую парадигму, которая обычно состоит из двух частей (субпарадигм), члены которых противопоставлены друг другу по каким-либо противоположным, полярным компонентам значений, относящихся к одной и той же семантической категории. Вслед за Кристиной и Эрхардом Агрикола, которыми была предложена классификация антонимов для немецкого языка [8, с. 7–12], выделим в следующие типы антонимов:

1) *конверсивы* – слова, значения которых отражают взгляд на одно и то же объективное событие с разных сторон. При этом оба события существуют реально. 12 подобных пар обнаружилось в нашей выборке (27,9 % от всего количества антонимичных пар), например, **kleine Schrift – große Schrift** – *мелкий шрифт – крупный шрифт*;

2) *комплементарии* – слова, противоположность значений которых не может быть градуирована, так как между ними нет промежуточных ступеней – это самый распространенный тип антонимов в терминологии инженерной психологии, который насчитывает 28 пар (65,1 %), к примеру, **Installation – Deinstallation** – *установка, инсталляция, подключение – демонтаж, деинсталляция, отключение*;

3) *собственно антонимы* – слова с четким противопоставлением, хотя их значения не допускают однозначного выведения одного из другого, предполагая существование некоторых промежуточных ступеней или, по крайней мере, одного нейтрального звена между антонимическими полюсами. Редко встречающийся в нашей терминологии тип антонимов представлен 3 примерами (7 % от общего количества анто-

нимических пар), к примеру, **Funktionaltastatur – Akkordtastatur** – *функциональная клавиатура – аккордная (полуфункциональная клавиатура)*.

Полисемия – явление, широко представленное в общей лексике, реализуется в специальной лексике несколько иначе. В общей лексике у одного слова параллельно формируются близкие, но разные значения, или, помимо основного, развивается добавочное значение, различия которых проявляются лишь в контексте. Как известно, явление полисемии нежелательно в терминологии и в преобладающем большинстве дефиниций терминов выдвигается на первый план требование его однозначности.

Явление полисемии терминов расценивается ведущими терминоведами неоднозначно. Так, Д.С. Лотте предьявляет термину требование однозначности в рамках определенной терминосистемы, а также подчеркивает необходимость соблюдения значений общетехнических и межотраслевых терминов при их использовании в узкоспециальных терминосистемах, что выливается в требование адекватного употребления термина в тексте [9, с. 107]. По мнению Р.А. Будагова, контекст не в состоянии справиться с многозначностью термина в отличие от многозначности общелитературного слова [9, с. 107].

Противоположной точки зрения придерживается Н.З. Котелова, признающая правомерность наличия многозначности у термина. Её подход выражается в том, что полисемия терминологической лексики рассматривается как явление закономерное, так как терминология является составной частью лексики общелитературного языка [2]. С.П. Афанасьева также ставит под сомнение положение о вредности многозначности в терминологии и на основе анализа строительных терминов показывает, что полисемия обусловлена многосторонностью объективной действительности. Исходя из определения термина, принятого нами, что термин является не особым словом, а словом в особой функции, мы согласны с мнением автора о том, что в настоящее время многозначность считается обычным языковым явлением [9, с. 108].

Как показало исследование, данное лингвистическое явление все же свойственно терминологии вообще и немецкой терминологии инженерной психологии в частности. Причем в рассматриваемой нами терминосистеме многозначность в большинстве случаев устраняется образованием сложносоставных терминов.

Под *полисемией* в данном исследовании мы понимаем наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова.

При рассмотрении явления полисемии в немецкой терминологии инженерной психологии мы опирались на классификацию разграничения различных лексико-семантических вариантов слова, предложенную Ф.А. Литвиным [10]. Автор выделяет три основных вида отношений между лексико-семантическими вариантами одного слова:

1) *пересечение* – варианты слова имеют общую семантическую часть, и, кроме того, каждый вариант имеет свою специфическую часть, причем каждый из вариантов в принципе одинаково сложен;

2) *включение* – один из лексико-семантических вариантов сложнее, чем другой; он включает в себя семантику первого, а также имеет отличную от первого варианта часть;

3) *омонимия* – у лексико-семантических вариантов лексемы может быть общая часть содержания,

которая не является семантической, а отражает общность их внутриязыковых значимостей.

Анализ рассматриваемой терминологии показал, что 3055 единиц моносемантически, что составляет 87 % от всей выборки. Полисемантическими являются 457 терминов, т.е. 13 % от общего количества терминологических единиц в изучаемой терминологии. Количество значений у немецких терминов инженерной психологии колеблется от двух до пяти.

Из 457 терминов 398 единиц имеют два значения, что составляет 87,1 % от общего количества полисемантических терминов в изучаемой терминологии, например: **Abbildungsfehler** – 1) *ошибка преобразования; ошибка представления; ошибка отображения*; 2) *ошибочное преобразование; ошибочное представление*; **Bedienerkopplung** – 1) *интерфейс с оператором*; 2) *связь (взаимодействие) с оператором*; **Ablenkung** – 1) *отвлечение внимания*; 2) *отклонение от нормы*; **Einrichten** – 1) *устройство, оборудование*; 2) *наладка, настройка* и др.

К группе терминов с тремя значениями относятся 44 единицы, т.е. 9,6 % общего числа полисемантических терминов, например: **Datensicherheit** – 1) *безопасность данных, защита данных*; 2) *секретность данных*; 3) *надежность хранения данных*; **Abtastzeit** – 1) *период развертки*; 2) *шаг квантования, интервал квантования*; 3) *время считывания*; **Character** – 1) *характер, свойство, особенность*; 2) *тип, вид*; 3) *знак, символ* и др.

Четыре значения имеют 12 терминологических единиц, что составляет 2,6% от общего количества полисемантических терминов в изучаемой терминологии, например: **Auflösung** – 1) *разрешение*; 2) *разрешение*; 3) *расшифровка, дешифровка*; 4) *разрешение, разрешающая способность экрана*; **Kanal** – 1) *канал ввода-вывода*; 2) *дорожка*; 3) *информационный канал*; 4) *линия связи*; **Option** – 1) *опция*; 2) *необязательный параметр*; 3) *вариант*; 4) *средство*; **Schauzeichen** – 1) *оптический сигнал*; 2) *индикатор*; 3) *индикация*; 4) *блнкер* и др.

3 термина с пятью значениями мы обнаружили в нашей выборке, например: **Abfall** – 1) *снятие, сброс (например, задачи)*; 2) *отключение (например, устроительства)*; 3) *выход из строя, порча*; 4) *удаление, выбрасывание (например, программы из памяти)*; 5) *потеря (например, данных при передаче)*; **Einstellung** – 1) *установка, позиция, отношение*; 2) *готовность психики действовать или реагировать в известном направлении*; 3) *установка, наладка, регулировка*; 4) *прекращение работы, приостановка работы*; 5) *заправочные данные*; **Kode** – 1) *система кодирования*; 2) *кодировка, шифровка*; 3) *закодированный текст программы*; 4) *число, которому приписан некоторый смысл*; 5) *код, шифр*.

Согласно классификации Ф.А. Литвина [10], нами выделено 206 терминологических единиц, в которых отношения между лексико-семантическими вариантами строятся по принципу пересечения, например, **Abstufung** – 1) *градация, классификация*; 2) *ступень*. По принципу включения отношения между лексико-семантическими вариантами выстраивают 172 термина. Каждый из вариантов, имея общую семантику, оказывается сложнее предыдущего, например, **Prozessor** – 1) *программа обработки данных*; 2) *устройство обработки данных; вычислительное устройство*. 79 терминов в исследуемой нами терминологии омонимичны, например, **Interferenz** – 1) *интерференция (ухудшение сохранения запоминаемого материала в результате воздействия другого*

материала, с которым оперирует субъект); 2) *совместное действие пучков света*.

Исследование немецкой терминологии инженерной психологии на материале выборки терминов общим объемом 3512 терминологических единиц, проведенное в связи с изучением истории становления данной науки, показало, что:

1. Специфика семантических отношений заключается в экстралингвистической обусловленности лингвистических явлений.

2. Широкая представленность синонимов в немецкой терминологии инженерной психологии обусловлена желанием специалистов выразить тонкие нюансы понятий изучаемой дисциплины, а так же влиянием англоязычной терминологии исследуемой области науки на немецкую терминологию инженерной психологии.

3. Результаты нашего исследования доказали, что явления антонимии в немецкой терминологии инженерной психологии не затрудняет обмен специальной информацией, а, наоборот, поддерживает системность терминологии, помогает термину выполнять его коммуникативную функцию. Термины-антонимы, выражающие противоположные характеристики информационного взаимодействия в системе «человек – машина», подразумевают наличие друг друга, обеспечивая при этом семантическое единство противопоставляемых понятий.

4. Явление полисемии свойственно немецкой терминологии инженерной психологии. Причем в рассматриваемой нами терминосистеме многозначность в большинстве случаев устраняется образованием сложносоставных терминов.

Библиографический список

1. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. / В. П. Даниленко – М.: Наука, 1977. – 246 с.
2. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. / Н. З. Котелова – М.: Наука, 1970. – С. 122 – 126.
3. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
4. Толикина, Е. Н. Синонимы или дублеты? / Е. Н. Толикина // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 78.
5. Евгеньева, А. П. Словарь синонимов русского языка. Предисловие / А. П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1970. – С. 11.
6. Гринёв, С. В. Введение в терминологию / С. В. Гринёв. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; отв. ред. Т. Л. Каңделак. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 248 с.
8. Agricola, Chr. Wörter und Gegenwörter. – Leipzig, 1979. – S. 7 – 12.
9. Члегова, Л. П. Лингвистические проблемы терминологии по монтажу и пусконаладке промышленного оборудования: дис. ... к. филол. н. / Л. П. Члегова. – Омск, 2003. – 163 с.
10. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – М.: Высш. шк., 1984. – 117 с.

КЛЁСТЕР Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: annaklyoster@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2011 г.

© А. М. Клестер

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ИСКОННЫХ ТЕРМИНОВ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА

Для того, чтобы прогнозировать динамику и качество развития определенной отрасли науки и техники, необходимо хорошее знание ее актуального состояния. Проведенный на базе Омского терминологического центра структурный анализ немецких терминов Интернета позволил определить наиболее продуктивные словообразовательные элементы и модели.

Ключевые слова: терминология, структурный анализ, словообразовательная модель, Интернет.

В данной статье подробно рассматриваются структурные особенности немецких терминов Интернета, образованных на базе исконного языкового материала.

К терминам, образованным на исконном языковом субстрате, отнесены 4105 терминологических единиц. Данная группа представлена простыми однокорневыми терминами, производными или аффиксальными терминами (иногда их называют дериватами), сложными терминами или терминологическими композитами, терминологическими сочетаниями и аббревиатурами. Хотелось бы отметить, что в данной статье структурному анализу будут также подвержены смешанные и гибридные заимствования, поскольку с морфологической точки зрения они образованы по словообразовательным правилам немецкого языка и на базе немецкого языкового материала.

Самое последнее место по степени продуктивности в немецкой терминологии Интернета занимают **простые однокорневые термины**. Их в выборке насчитывается 26 единиц, что составляет 0,4 % от общего количества терминов в выборке. Данные термины, согласно С.В. Гриневу, относятся к группе однословных моноксемных терминов [1, с. 125]. Чаще всего данные термины образуются семантическими способами, например, вследствие процесса терминологизации общеупотребительной лексики, когда лексическая единица общелитературного языка меняет свое первоначальное значение в результате специализации или метафорического или метонимического переносов. Такие термины получили название **консубстанциональных**. Иногда простые однокорневые термины заимствуются из других терминологий. Простые термины неразложимы, отличаются мотивированностью терминологического значения через нетерминологическое. Простые однокорневые термины, как правило, многозначны. Приведем лишь некоторые примеры, иллюстрирующие данную небольшую численную группу терминов: **Echo** – эхоотображение, отображение символа на экране, эхопередача, воспроизведение, **Netz** – сеть, узел, сетевой график.

На четвертом месте по словообразовательной продуктивности находятся **терминологические сочетания**, корпус которых составляет 199 терминологических единиц, что составляет 3,2 % от общего количества подвергнутых анализу исконных терминов. Терминологические сочетания или терминосочетания представляют собой синтаксическую конструкцию,

состоящую из двух и более слов, соединенных подчинительной грамматической связью, и отличающуюся от сложного термина раздельноформенностью. По мнению С. В. Гринева, терминологические сочетания являются результатом преобразования обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты» слов, и обладают устойчивостью или цельностью номинации, что обусловлено их функцией наименования одного понятия, а также номинативным характером и атрибутивным или определительным видом связи составляющих их элементов [1, с. 141], например: **grafische Darstellung** – графическое изображение, **anfallende Daten** – поступающая информация. Проанализированные примеры показывают, что терминологические сочетания, образованные на исконном языковом материале являются двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями, ядерный элемент которых выражен именем существительным в именительном падеже, а атрибутивный элемент – именем прилагательным или причастиями, которые выполняют функцию препозитивного определения. При этом ядерный элемент терминологического сочетания определяет родовой признак понятия, а атрибутивный элемент – видовой признак понятия.

На третьем месте по продуктивности находится аббревиация. В анализируемой выборке аббревиатур исконных терминов Интернета насчитывается 283 сокращения, что составляет 4,6 % от общего числа выборок терминов в 6112 терминологических единиц.

Интенсивное использование сокращений различного рода является на современном этапе одной из наиболее характерных черт развития национальных терминологий и национальных языков в целом [2, с. 81]. Процесс сокращений является своеобразной реакцией языка на появление большого количества многокомпонентных терминологических сочетаний. Тенденцию сокращения лексических единиц многие лингвисты рассматривают как принцип наименьшего усилия или закон экономии речевых средств [3, с. 7]. В этом плане экономное использование языка можно рассматривать как один из способов конденсирования информации. Так, А. Мартине считает, что «постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений. Здесь, как и в ряде других случаев, поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в

соответствии с которым человек растрчивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» [4, с. 532 – 533].

В данной статье под сокращением или аббревиацией понимается словообразовательный акт, ведущий к созданию сложносокращенного однословного наименования взамен развернутого обозначения тех или иных понятий [5, с. 213].

Л. К. Кондратюкова выделяет следующие типы или модели сокращений: 1) буквенные сокращения; 2) слоговые сокращения; 3) буквенно-слоговые сокращения; 4) усеченные образования [6, с. 90 – 91].

Буквенные сокращения представляют собой сокращения многокомпонентных сложных терминов или терминологических сочетаний в одно слово путем сложения инициальных букв терминологических элементов. Это наиболее продуктивный способ образования сокращений в немецкой терминологии Интернета, например: **TR** < **Technische Richtlinie** – *техническое соглашение*, **DFÜ** < **Datenfernübertragung** – *передача данных через сеть передачи данных*. Буквенных сокращений в немецкой терминологии Интернета насчитывается 268, что составляет 95 % от числа аббревиатур, образованных на исконном языковом материале.

Слоговые сокращения – это термины-аббревиатуры, образованные путем соединения начальных слогов или первых букв назывного словосочетания и представляют в произношении единое слово [7, с. 143], например: **Telekom** < **Telekommunikation, Telekommunikationssystem** – *телекоммуникация, система телекоммуникаций*. Подобных терминов в исследуемой выборке оказалось шесть, что составляет 2 % от всех немецкоязычных сокращений.

Буквенно-слоговые сокращения представляют собой аббревиатуры, состоящие из первого или конечного слога и букв, при этом наблюдается эллипсис (опущение) отдельных слогов, например: **TXVerAnl** < **Textverteileranlagen** – *установка текстового распределения*. К данной группе сокращений относятся шесть аббревиатур, которые составляют 2 % от общего числа немецкоязычных сокращений.

К последней, наименее продуктивной группе аббревиатур, относятся три термина (1 %). Усеченные образования появляются в результате слияния двух усеченных основ, образуя новое слово, например: **DAST** < **Date-naustauschsteuerung** – *управление обменом данных*.

Следующей по продуктивности словообразовательной моделью в немецкой терминологии Интернета является **деривация**, в процессе которой образуются **производные термины** с помощью аффиксов. Немецкий язык обладает развитой системой словообразования, поэтому деривация является вторым по продуктивности способом словообразования после словосложения, доля производных терминов составляет 10,4 % (637 терминов).

Аффиксальный способ терминологического образования относится к морфологическим способам терминологического образования. Производные термины являются простыми (однословными) терминами, основа которых содержит корень и аффиксы. Таким образом, по М. Д. Степановой, производный термин является словообразовательной конструкцией, состоящей из одного свободно-го компонента, являющегося основой словообразовательной конструкции, и одного связного компонента, который автор называет эксплицитным дериватом в отличие от имплицитного деривата, образованного без словообразовательной морфемы или при помощи нулевой морфемы [8, с. 106].

Эксплицитные дериваты представлены в немецкой терминологии Интернета такими терминами, как:

Drucker – *принтер, печатающее устройство*, **Eingabe** – *ввод*; **Abbildung** – *образ, отображение* и др. Представленные примеры показывают, что для немецкой терминологии Интернета характерны такие способы морфологического терминологического образования, как префиксальное, суффиксальное и префиксально-суффиксальное образование терминов.

В **префиксальных дериватах** связанная словообразовательная морфема предшествует производящей основе. Наряду с дериватами, образованными при помощи исконных префиксов, исторически развившихся из первых элементов сложных слов, почти утративших свое самостоятельное значение, в данной терминологии встречаются термины, образованные с помощью полупрефиксов, соответствующих как фонетически, так и по семантике предлогам, которые являются самостоятельными лексемами, хотя и выполняют служебную функцию [9, с. 530].

При помощи префиксов и полупрефиксов в немецкой терминологии Интернета образовано 128 терминов, что составляет 20 % от всех производных терминов. Обнаружено 25 префиксов и полупрефиксов, при помощи которых образуются производные термины в исследуемой терминологии, причем наиболее продуктивными оказались префиксы **ab-** и **an-**, с их помощью образовано 10 % и 9 % дериватов, например: **ab-** : **Abbruch** – *аварийное завершение работы*; **an-** : **Angabe** – *информация, сообщение, элемент данных*.

Суффиксальное терминологическое образование как способ морфологического терминологического образования формально характеризуется тем, что связанная словообразовательная морфема находится в постпозиции к производящей основе. Суффиксальные термины образованы с помощью 12 суффиксов. Самым продуктивным суффиксом в немецкой терминологии Интернета является суффикс имен существительных женского рода **-ung**, с его помощью образуются 82 термина, что составляет 51 % от общего количества суффиксальных дериватов. Продуктивность данного термина в изучаемой терминологии легко объяснима, поскольку суффикс **-ung** имеет: 1) значение действия, процесса, отдельных действий или актов, если производящей основой является глагол, например: **Änderung** – *внесение изменений, модификация, преобразование*, **Filterung** – *фильтрация*; 2) значение предмета или явления, возникших как результат определенного действия, если терминологической основой является глагол, например: **Fassung** – *версия, вариант*, **Störung** – *помеха*. На втором месте по продуктивности находится суффикс имен существительных мужского рода **-er** (с его помощью образованы 22 % от всех суффиксальных дериватов (36 терминологических единиц)), что также объяснимо с точки зрения расшифровки значений, которые имеет данный суффикс, а именно: 1) значение технических устройств, приборов, если производящей основой является глагол, например: **Adapter** – *адаптер*, **Puffer** – *буфер, амортизатор*; 2) значение лиц по профессии, специальности, роду занятий, действиям, если производящей основой является глагол, обозначающий виды действия, которые выполняет называемое лицо, например: **Absender** – *отправитель сообщения*, **Nutzer** – *пользователь, абонент сети*.

Наряду с производными терминами, образованными при помощи суффиксов и префиксов, в немецкой терминологии Интернета имеются термины, образованные по **префиксально-суффиксальной модели**, т.е. терминологическая основа сочетается одновременно с префиксом и суффиксом. В изучаемой терминологии дериваты, образованные данным способом представлены в основном терминами с гла-

гольной производящей основой, что отражает процессуальный характер действий, осуществляемых при помощи компьютера вообще, и в сети Интернет в частности. Следовательно, отличительной особенностью производных терминов терминологии Интернета в немецком языке, можно назвать соотносимость имен существительных с глаголами, обозначающих определенные действия, называемых соответствующими именами существительными, например: **Abbrechen** – прерывание, прекращение, **Abbremsen** – замедление, задержка.

Основная особенность немецкого языка заключается в том, что **словосложение** является основным способом образования слов. Данное положение относится в равной степени и к немецкому терминологическому образованию. Под словосложением понимается способ словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ), в результате чего образуется сложное слово или композит [10, с. 469].

В исследуемой терминологии 48,5 % терминологических единиц приходится на долю **сложных терминов**, например: **Abfragetechnik** – метод опроса, метод управления доступом к среде передачи, **Begrüßungsseite** – страничный блок, страница личного обращения.

В русском языке эквивалентом терминов, образованных посредством **словосложения**, являются чаще всего терминологические сочетания, более характерные для русской терминологии. Это является иллюстрацией того факта, что структура терминов и терминологий в разных языках неодинакова.

Наиболее распространенным типом сложного термина в рассматриваемой терминологии являются двухкомпонентные термины, составляющие 80 % (2375 терминологических единиц) от общего количества сложных терминов, например: **Faserbündel** – волоконно-оптическая (световодная) шина, **Funktionstaste** – функциональная клавиша. Кроме того, в группу двухкомпонентных сложных терминов входит значительное количество межъязыковых гибридов и калек, которые определяются как сложные термины, состоящие из разноязычных компонентов, например: **Client-Programm** – программа-клиент, клиентская программа, **Computerverbund** – распределенная вычислительная сеть, компьютерный пул. Подобных двухкомпонентных терминов в нашей выборке 843, что составляет 35 % от общего количества двухкомпонентных терминов.

Трехкомпонентные сложные термины представляют группу, состоящую из 521 терминологической единицы, в том числе 242 гибрида и кальки, что составляет 18 % от общего количества сложных терминов, например: **Aktivlautsprecher** – динамик, **Änderungssuchprogramm** – программа поиска изменений.

Количество четырехкомпонентных сложных терминов в исследуемой терминологии не так велико – 64 терминологические единицы, или 2 % от всех исследованных сложных терминов, например: **Mehrkanal-datenübertragung** – многоканальная передача данных, передача данных в мультиплексном режиме.

Все сложные термины, представленные в немецкой терминологии Интернета, образованы по модели определительного словосложения. Сложный термин, образованный при помощи данной модели, представляет собой сочетание из двух компонентов, которые могут иметь разную словообразовательную структуру, но членение сложного слова в немецком языке всегда **бинарно**, причем первый компонент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и се-

манτικο-категориальную характеристику всего соединения, например: **Daten|bank|verwaltung** – управление базой данных, **Ersatz||funktion** – функция перехода в аварийный режим.

А. М. Искоз и А. Ф. Ленкова отмечают такой специфический признак немецкого языка, как возможность выражения свободных синтаксических отношений через сложное слово, в результате чего сложные термины могут семантически полностью совпадать с соответствующими словосочетаниями [11, с. 33]. Для иллюстрации этого положения можно привести следующие примеры из немецкой терминологии Интернета: **Nachrichtenaustausch** – **Austausch von Nachrichten** – обмен сообщениями, обмен информацией, **Packungsdichte** – **Dichte der Packung** – плотность записи информации. Отличие между сложным термином и терминологическим сочетанием состоит в том, что сложный термин характеризуется структурной цельюоформленностью, причем его компоненты так прочно соединены, что термин воспринимается как самостоятельная единица. Терминоэлементы в его составе теряют свою лексическую самостоятельность, и весь комплекс получает единое значение, причем первый терминоэлемент обозначает постоянное свойство, придающее всему термину новое значение. Такой термин более удобен в процессе коммуникации, чем соответствующее ему терминологическое сочетание.

Морфологический анализ сложных терминов немецкой терминологии Интернета показал, что они имеют разные составные элементы. Поскольку терминология Интернета носит субстантивный характер, то вторым терминоэлементом немецких сложных терминов является существительное, а в качестве первого компонента могут выступать: имя существительное – **Datenpaket** – информационный пакет, пакет данных; имя прилагательное – **Großbuchstabe** – прописная буква; наречие – **Fernmeldeunion** – союз телекоммуникаций; глагол – **Debugganweisung** – отладочный оператор; числительное – **Nullmodemkabel** – кабель нуль-модема; предлог – **Nachsatz** – замыкающая метка, метка конца; частица – **Nicht-proporzionalschrift** – моноширинный шрифт.

Для немецкой терминологии Интернета характерно непосредственное соединение элементов в сложные термины, например: **Dialogbetrieb** – интерактивный режим, однако довольно часто один терминоэлемент присоединяется к другому при помощи соединительных элементов **-(e)s-** и **-(e)n-**, например: **Darstellungsschicht** – уровень представления семиуровневой базовой модели МООС, **Gruppenverbindung** – групповое соединение.

Итак, сложные термины, составляющие основную массу немецкой терминологии Интернета, являются определительными композитами, образованными из двух терминоэлементов, один из которых подчинен другому, при этом последовательность расположения терминоэлементов в сложном термине строго предписана. Модель определительного словосложения является самой продуктивной в немецкой терминологии Интернета. Кроме того, структурный анализ исконных терминов Интернета показал, что исследуемые термины образуются на основе словообразовательных элементов и моделей общеупотребительной лексики, при этом встречаются все типы морфологической структуры слов, а межъязыковые гибриды и кальки, относящиеся к группе заимствованных терминов, с точки зрения их словообразовательной структуры, полностью соответствуют моделям немецкого словообразования.

Библиографический список

1. Гринёв, С. В. Введение в терминологию / С. В. Гринев. — М. : Московский лицей, 1993. — 309 с.
2. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения / В. В. Борисов. — М. : Воениздат, 1972. — 320 с.
3. Соколова, А. М. К вопросу о синонимии термина / А. М. Соколова // Сочетаемость языковых единиц и преподавание языка. — М. : Изд-во МГУ, 1981. — С. 94.
4. Мартине, А. Основы общей лингвистики. Новое в лингвистике / А. Мартине. — М. : Прогресс, 1963. — Вып. III. — С. 532–533.
5. Алексеев, Д. И. Аббревиация в условиях научно-технической революции / Д. И. Алексеев, В. В. Борисов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М. : Наука, 1977. — С. 213.
6. Кондратюкова, Л. К. Становление и развитие терминологии вычислительной техники в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Кондратюкова. — Омск, 1984. — 190 с.
7. Кондратюкова, Л. К. Типы сокращений в английской терминологии компьютерной техники / Л. К. Кондратюкова // Синержи — Россия. — 2001. — № 1. — С. 142–151.

8. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышёва. — М. : Высш. школа, 1962. — С. 62–155.
9. Степанова, М. Д. Краткий очерк словообразования немецкого языка / М. Д. Степанова // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. — М. : Рус. яз., 1979. — С. 519–536.
10. Виноградов, В. А. Словосложение / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 469.
11. Iskos, A. Deutsche Lexikologie / A. Iskos, A. Lenkova — Leningrad : Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik des Ministeriums für Bildungswesen der UdSSR, 1963. — 275 S.

ШУМАЙЛОВА Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: marina_shumailov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2011 г.

© М. С. Шумайлова

УДК 811.112.2 : 007 : 574.6

Т. Н. ШАРАПОВА

Омский государственный
технический университет

АНГЛО-НЕМЕЦКИЕ ГИБРИДНЫЕ ТЕРМИНЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ БИОНИКИ

В статье проводится анализ исследования гибридного терминообразования в немецкой терминологии бионики согласно классификации ведущих отечественных и зарубежных терминоведов. Рассматриваются причины процесса заимствования в немецком языке. Дается описание наиболее распространённых форм образования англо-немецких гибридных терминов, которые подтверждаются большим количеством примеров.

Ключевые слова: терминология, бионика, англо-немецкие гибридные термины, заимствование.

В современном языкознании часто рассматривается вопрос об интеграции иноязычной лексики в систему родного языка. Данный аспект исследуется как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Особое значение при этом придается заимствованию элементов английского словарного фонда. Однако спорным остается вопрос о масштабах и последствиях распространения таких элементов в языке-реципиенте. В ряде аспектов, к примеру стилистическом, функциональном, словообразовательном и др., многими авторами обсуждается разная степень влияния английского языка и его американского варианта на заимствующий язык. Вместе с тем нельзя недооценивать роли английских заимствований в специальной коммуникации. В свете интенсивных международных контактов разных сфер деятельности значимое место отводится, средствам общения, и здесь английские заимствования, зачастую приобретающие статус интернационализмов, оказываются незаменимым источником пополнения специальной лексики.

При помощи заимствований из английского языка успешно обогащаются профессиональные лексиконы экономики, психологии, информатики, автомобилестроения и др., которые призваны быстро и точно фиксировать тенденции в мире науки и техники, а также позволять носителям языка общаться с зарубежными специалистами с учетом максимальной эквивалентности языкового материала. В результате языковых контактов в области профессиональной коммуникации элемент чужого языка перенимается языком-реципиентом вместе с предметом или понятием, становясь, таким образом, для заимствующего языка новым элементом, имеющим возможность восполнить дефицит обозначения данного нового предмета или понятия.

Проблемами англо-американского влияния на немецкий язык занимались Л. Ю. Гранаткина [1], А. П. Майоров [2]. Среди немецких исследователей общеизвестны работы по этой теме Б. Карстензена и Х. Галинского [3]. На наш взгляд, может быть, отмечена исследовательская работа в сфере общественно-экономической лек-

сики, в которой Е. В. Ларионова рассматривает на материале русского языка распространение англицизмов [4].

В сфере гибридного словообразования не найдено фундаментальных работ, но следует отметить исследование Л. Б. Ткачевой [5], в котором освещается явление гибридизации в контексте научно-технического перевода. В контексте межъязыковых контактов проблему гибридного образования затрагивает Э. Хауген [6].

Особенно важным для настоящего исследования оказывается вопрос, касающийся *условий и причин заимствования*. Под причинами понимается та или иная необходимость в заимствовании, а под условиями некая почва или основа, т. е. либо ее наличие, либо отсутствие. Языковой контакт есть условие заимствования, а причина — необходимость в наименовании.

Л. П. Крысин указывает на то, что существуют экстра- и интралингвистические причины [7]. Еще одну причину заимствования отмечает Г. Пауль: «...включение иностранных слов в родной язык происходит, прежде всего, в результате определенной потребности. Поэтому язык воспринимает чаще всего слова, соответствующие тем понятиям, для которых в нем еще не имеется обозначений» [8]. «Культурное влияние», о котором говорит автор в связи с «интенсивным притоком заимствованных слов», вполне применительно и к современному состоянию языка, единственно, что влияние культурное уступает свои позиции влиянию экономическому.

А. П. Майоров указывает на то, что «иностранные слова способствуют развитию и совершенствованию коммуникативных и выразительных возможностей языка» [2], что, на наш взгляд, является одной из причин внедрения заимствований в язык - реципиент. Под экстралингвистическими причинами заимствования А. П. Майоров, в частности, понимает «расширение объема понятия». Одной из причин заимствования может стать «необходимость в единичном наименовании на месте описательного оборота» Эта черта характерна для немецкой терминологии бионики, поскольку очевидна языковая экономичность англо-американских терминов.

Пополнение специального бионического словарного фонда немецкого языка за счет привлечения англо-американских терминов обусловлено важными причинами и условиями. Поскольку местом рождения и становления бионики как дисциплины являются США 1960 г., Дайтон, штат Огайо, первые значительные работы в этой области опубликованы на английском языке, рабочий язык ежегодно проводимых конференций и выставок по бионике — английский, следовательно, исследования в этой области имеют зачастую реальный международный характер. Это способствует образованию англо-немецких гибридных терминов в бионической лексике, наибольшее количество которых приходится на вторую половину XX века — 416 терминологических единиц, что составляет 16 % от общего объема всей выборки исследованных терминов в 2556 единиц: **Abfühlbyte** n — *байт уточнённого состояния*; **Abgleichimpuls** m — *уравнивающий импульс*; **Background** — *Aktivität f — фоновая активность*; **Cockpit** — *Anzeige f — индикация (показание приборов) кабины экипажа*. Англо-американские заимствования настолько прочно «оседают» в терминосистеме бионики, что начинают соединяться с немецкими элементами. По мнению В. П. Скуиня, этот процесс приводит к образованию «гибридотерминов», состоящих, с одной стороны, из заимствованного или интернационального, и, с другой — «своеязычного» элементов, которые соединяются в процессе образования в языке-реципиенте [9].

Согласно классификации заимствований С. В. Гринёва, «гибрид» — это смешанное заимствование, где одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или существует в языке [10]. В широком смысле гибридное образование рассматривается как смешение словообразовательных элементов различных языков, и результат такого смешения Лексикон Метцлера трактует гибридное образование как «сложную или производную лексему, составные части которой заимствованы из разных языков [11]. Л. Б. Ткачёва определяет термины-гибриды как «структурно-семантический комплекс, созданный с целью облегчить восприятие заложенного в нём понятия, как носителями языка, так и заимствующей стороной», и называет их межъязыковыми гибридными терминами [5]. Узкое понимание предполагает образование терминов-гибридов на основе конкретного языка, когда в процессе гибридизации принимают участие эндогенный (внутреннего происхождения) и экзогенный (внешнего происхождения) элементы, например: **Abstimm|diagramm** n — *кривая настройки, резонансная кривая*.

В немецком языке соединение экзогенного и эндогенного элементов отличается многообразием форм. При соединении исконной и заимствованной основ образуются композиты, например: **Mehrpunkt|signal** m — *многоканальный сигнал*, **Abfrageresystem** n — *система опроса*; **PowerSkip** - **Gerät** n — *тренажер для бега и прыжков*. Результатом словопроизводства являются слова, состоящие из заимствованной либо исконной основы, и противоположного происхождения префикса или суффикса: **Verformung** f — *деформация*; *изменение контуров*, **Abnormität** f — *отклонение от нормы*.

Гибридное словосложение является наиболее продуктивным способом пополнения немецкой терминосистемы бионики, который представляет собой сложение экзогенной и эндогенной основ. Выборка англо-немецких гибридных образований, общим объемом 416 терминологических единиц показала, что результатом словосложения являются определительные композиты-существительные, большую часть которых составляют двухкомпонентные и трехкомпонентные термины-гибриды, в которых позиционно варьируются немецкий и английский лексические элементы: **Licht|sensor** m — *датчик света*; **Abtast|system** n — *система развёртки*, **Digital|speicher** m — *цифровое запоминающее устройство*; *цифровая память, блок цифровой памяти*; **Scheuer|test** m — *тест на устойчивость к трению текстильного материала*; **Ladungs|träger|injektion** f — *инъекция носителей заряда*. В составных гибридных терминах заимствованный элемент, как правило, не имеет фиксированной позиции: **Black-box**-**Verfahren** n — *метод «чёрного ящика»*; **Multi** — **Punkt** — **Sensor** m — *многопозиционный сенсор*; **Display** — **Fehler** — **Prüfung** f — *визуальный контроль*; **Bediencomfort einer IR** — *удобство обслуживания промышленных роботов*, где английский терминологический элемент IR является свёрткой от **Industrial Robot** — *промышленный робот*. Как видно из приведённых примеров, английский элемент имеет как препозиционное, так и постпозиционное положение.

То обстоятельство, что терминология бионики включает в себя термины греко-латинского происхождения, также находит своё отражение в англо-немецких гибридных терминах, образование которых происходит посредством комбинации латинского с английским и немецким терминологическим элементом: **Lern|matrix** — **Dipol** f — *обучаемая матрица гуполь*; **Mikro|bionik** f — *микробионика*; **Multi|layer** — **Reflektor** m — *многослойный отражатель (в органе свечения у насекомых)*; **Neuro** — **Chip** — **Schnittstelle** f — *устройство*

сопряжения «нейрон-микросхема»; Digital-Analog-Umsetzung f — *цифро-аналоговое преобразование*. Среди греческих элементов относительной частотностью отличаются префиксы *bio-* и *anti-*, которые зафиксированы в соединении с английскими терминологическими элементами: **Anti** — Wicking m — *непромокаемость текстильной поверхности*; **Biosensor** m — *биосенсор*; **Biofouling** f — *биозагрязнение*, **Bioakustik** f — *биоакустика*.

В способе образования сложных терминов-гибридов посредством соединения англо-американской аббревиатуры в качестве 1-го элемента композита и немецкого простого или сложного элемента, усматривается эффективное с точки зрения информативности и экономное средство номинации специальных понятий. За некоторым исключением, англоязычные буквенные сокращения имеют интернациональный статус и служат обозначением названий организаций, правил, программ, соглашений: **AD** — Umsetzer m < **analogue-digital** — *аналого-цифровой преобразователь* и т.п. Больше число зафиксированных нами гибридных терминов с английской аббревиатурой **CAD (Computer Aided Design)** — *система автоматизированного проектирования (САПР)* составляет 15 терминологических единиц: **CAD** — Methode f — *метод автоматизированного проектирования*; **CAD** — Bearbeitung f — *обработка САПР*; **CAD** — Formgebung f — *моделирование, формообразование посредством САПР* и др., а также **SKO (Soft-Kill-Option** — *выбор мягкого устранения*) составляет шесть единиц: **SKO** — Methode f — *метод мягкого устранения*; **SKO** — Designvorschlag m — *проект мягкого устранения* и др.

Наличие в немецкой терминологии бионики полиморфных единиц объясняется спецификой немецкого термина. Посредством многокомпонентных определительных композитов, так же как и в случае соединения с аббревиатурами, реализуется принцип экономии в языке для специальных целей. Полиморфными в терминосистеме бионики следует считать композиты, состоящие из 4-х и более элементов, например: Kohlen|wasser|stoff|**matrix** f — *углеводородная матрица*; сложные существительные с английской фразой, например: **Top — Down** — Ansatz m — *исходное проектирование «сверху вниз»*; **Bottom-Up-Ansatz** m — *исходное проектирование «снизу вверх»*. Характерным способом образования многокомпонентных терминов-гибридов является «наращивание элементов»: **Energie**|rück|gewinnung f — *регенерация энергии*; **Energie**|rück|gewinnungs|**system** n — *система регенерации энергии*.

Таким образом, результатом взаимодействия заимствования и словообразования в современной немецкой терминологической системе бионики является тенденция к созданию гибридных единиц с участием

эндогенных и экзогенных элементов. К тому же специальные словари редко регистрируют термины-гибриды, которые, в свою очередь, представляют определенную трудность при переводе. Также следует отметить, что процесс гибридных образований в немецкой терминосистеме бионики с элементами английского языка является одним из наиболее эффективных путей интернационализации терминологии, проявляющийся в слиянии разнотерминологических единиц в процессе передачи научно-технической информации специалистами немецко- и англоязычных стран.

Библиографический список

1. Гранаткина, Л. Ю. Основные типы иноязычных слов в современном немецком языке : автореф. дис. канд. филол. наук / Л. Ю. Гранаткина. — М., 1951. — 24 с.
2. Майоров, А. П. Заимствования в лексико-семантической системе языка : автореф. дис. канд. филол. наук / А. П. Майоров. — М., 1967. — 19 с.
3. Carstensen, B., Galinsky, H. Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache. — 2. Aufl. — Heidelberg, 1967. — 272 S.
4. Ларионова, Е. В. Новейшие англицизмы в современном русском языке (на материале общественно-экономической лексики : автореф. дис. канд. филол. наук / Е. В. Ларионова. — М., 1993. — 17 с.
5. Ткачёва, Л. Б. О систематизации гибридных терминов / Л. Б. Ткачёва // Научно-техническая терминология. — 1988. — № 12. — С. 12.
6. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике ; под ред. В. Ю. Розенцвейга. — М.: Прогресс, 1972. — Вып. 6. — С. 61 — 80.
7. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995); отв. ред. Е. А. Земская. — М., 1996. — С. 52 — 65.
8. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. — М.: Иностранные языки, 1960. — 300 с.
9. Скуиня, В. П. Принципы заимствования иноязычных терминов в латышской научной терминологии / В. П. Скуиня [АН СССР. Комитет науч.-техн. терминологии. Ин-т языкознания]. — М.: Наука, 1983. — С. 241 — 259.
10. Гринёв, С. В. Введение в терминологию / С. В. Гринёв. — М.: Московский лицей, 1993. — 309 с.
11. Friederike Sch. Metzler Lexikon Sprache. Metzler; Auflage: 3., neu bearb., Dezember 2005. — 782 S.

ШАРАПОВА Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: e-mail: Treselle_omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.05.2011 г.

© Т. Н. Шарапова

Книжная полка

ББК 81.432.1/Т69

Трифорова, Е. Н. Полисемия банковских терминов в английском языке [Текст] : монография / Е. Н. Трифорова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 129 с. — ISBN 978-5-8149-1010-3.

В монографии рассматривается комплексное изучение и описание процесса становления терминов и появления у них значений в связи с развитием соответствующей области знания.

Рекомендуется лингвистам, терминоведам-теоретикам и терминологам-практикам, переводчикам, аспирантам и специалистам, интересующимся проблемами в области терминологии.

ПРОБЛЕМЫ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Современная терминология насыщена сокращениями, которые могут представлять трудность при переводе с иностранного языка. Появление в современных языках огромного количества сокращений является, несомненно, одним из следствий научно-технической революции, породившей массу новых специальных понятий, которым необходимо дать названия, закрепить их в языке.

Ключевые слова: термин, сокращение, полисемия, синонимия.

Термины в процессе своего становления как слова в специальной функции проходят сложный семантический путь. В создании новых терминов велика роль отдельных членов языкового коллектива, поставленных перед необходимостью давать названия новым предметам, понятиям, явлениям. Руководствуясь собственным лингвистическим опытом, они проводят аналогии со словами общелитературного языка; пытаются найти наиболее существенные признаки этих слов, подходящие для новых понятий. Любая инновация в языке — создание нового слова, формы, словосочетания, новой синтаксической конструкции — осуществляется в самом начале отдельным индивидом, и в этом нет ничего парадоксального. Всякая инновация требует инициативы, которая не может возникнуть у всех членов данного общества одновременно и быть совершенно одинаковой по своему содержанию, направленности и т.д. Все новое в языке вначале создает индивид, и это новшество в дальнейшем распространяется, принимается или отвергается другими членами общества [1].

При попытке характеристики идеального термина, на первое место ставится его однозначность, то есть «однозначные соотношения означающего с означаемым» [2], каждое значение обеспечит необходимую точность информации в науке и других областях. Однако проблема неоднозначности термина существует, но многозначность термина не мешает возможности понимать их правильно. Для этого нужно рассмотреть термин в контексте, ибо только в контексте полностью раскрывается содержание термина.

Проблему многозначности термина рассматривают многие лингвисты и выражают при этом разные точки зрения. Так, например, Б.Н. Головин считает это явление крайне нежелательным в терминологии, и говорит о том, что сложилась «неблагополучная терминологическая ситуация во многих областях знания, связанная с явлением многозначности и нечеткости терминов» [3]. Такого же мнения придерживаются К.Я. Авербух, Р.А. Будагов, А.А. Реформатский. Вместе с тем встречается и противоположное мнение. Так, Я.А. Климовицкий полагает, что «знак слова может соотноситься с несколькими, иногда с многими значениями (понятиями). «Многозначность слова — явление естественное, закономерное, обуславливающее, в ряду других характеристик, богатство возможностей языка. Употребление слова в каком-либо одном значении обеспечивается каждый раз контекстом, который позволяет распознать то или иное значение» [4]. Такую же позицию занимают в отно-

шении к проблеме многозначности термина такие исследователи, как Л. Дрозд, В.П. Даниленко, В.А. Татарин, В.М. Лейчик, Л.И. Воскресенская. Данные исследователи считают, что научно-технической терминологии даже в большей степени, чем слову общелитературного языка, свойственна многозначность. В.Н. Шевчук показывает, что в пределах даже одного поля технический термин обнаруживает многозначность. Следовательно, однозначность не свойство термина, а предъявляемое к нему требование [5]. Наличие у термина указывающего свойства, на наш взгляд, обосновано природой термина, являющегося объектом отражения и не имеет смысла абсолютизировать понятие однозначности, в равной степени, как и понятие многозначности.

В результате анализа выборки сокращений, было выявлено 78 сокращений, что составило 2,7% от выборки, имеющих не одно, а несколько значений. Например,

SMF < **S**tandard **M**essage **F**ormal — 1) *стандартный формат сообщений*; 2) *одномодовое оптическое волокно*.

SMS < **S**ystem **M**anagement **S**erver — 1) *управляющий сервер системы*; 2) *служба коротких сообщений*.

VM < **V**irtual **M**achine — 1) *виртуальная машина*; 2) *виртуальная память*.

Многозначные термины-сокращения могут иметь, как показало исследование, от двух до восьми значений.

Проанализировав многозначные сокращения, можно согласиться с мнением многих лингвистов, в том числе О.С. Ахмановой, которая считает, что многозначность или полисемия — это «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [6].

Причина многозначности терминов обусловлена несколькими причинами, а именно:

во-первых, причинами экстралингвистического характера, т.е. связанными с развитием и изменениями информатики, информационные процессы. Все эти процессы стимулируют потребность использования сокращений с закрепленным за ним значением. Количество значений многозначного термина зависит от глубины и четкости разработки соответствующей области в деятельности человека;

во-вторых, на развитие полисемии оказывают влияние такие внутрilingвистические причины, как сдвиг значения слова в определенном контексте, специализация значения, метафорический и метонимический

перенос значения, переосмысление значений, заимствование из других языков.

Терминология информатики, которая стала частью общественной жизни и деятельности, заимствовала некоторые лексические единицы из общелитературной лексики. Эти лексические единицы легли в основу терминологических сочетаний, в результате стяжения которых и образовались сокращенные единицы. Так, например, **pulse** в общелитературном английском языке имеет значение «пульс». В терминологическом сочетании **Differential Pulse Code Modulation**, имеющим сокращенную форму **DPCM «pulse»** приобретает значение «импульс» и, соответственно, все сокращение переводится «дифференциальная импульсно-кодовая модуляция».

Еще одной причиной полисемии является специфика термина. С развитием происходит уточнение или изменение значения термина, то есть он приобретает новые характеристики. Например, первоначально аббревиатура **DOS < Disk Operating System** имела значение *дисксовая операционная система*. Но с изобретением глобальной сети Интернет данная аббревиатура приобрела еще одно значение *отказ в обслуживании сервером*.

Специализация значения может проявляться в разветвлении значений. Например,

GND < Ground — 1) земля; 2) заземление; 3) наземный.

Таким образом, можно сказать, что явление полисемии в терминологии информатики объективно существует и обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими причинами.

Для того чтобы правильно перевести многозначный термин, необходимо проверить его значение в толковом словаре, если термин является новым незафиксированным словарями, необходимо изучить все его возможные значения в специализированных текстах.

Еще одним видом несоответствия терминов и понятий является синонимия терминов. Под синонимией традиционно понимают наличие у одного понятия внутри какого-либо подязыка нескольких терминологических выражений. Проблема синонимии терминов, то есть «использование нескольких специальных лексических единиц для именованного одного понятия» [7] является одной из основных и наиболее важных проблем терминоведения.

Наличие нескольких синонимических терминов иногда вызывает проблему выбора того или иного термина. Поэтому в работах, посвященных упорядочению терминологии, выдвигаются требования к отсутствию синонимов. Даже для выражения самого явления синонимии существует несколько терминов: «синонимия», «дублетность», «вариантность», «эквивалентность». В терминоведении существует мнение о том, что упорядочение терминов способствует упорядочению самой области науки и знания. Проблема синонимии существует, как в специальной, так и в общелитературной лексике. В общелитературном языке синонимии это разнозвучащие, но совпадающие по значению или имеющие сходное, близкое значение слова. А.А. Реформатский вносит существенное дополнение в понимание этого явления, заключающееся в том, что слова-синонимы называют вещь, но «соотносят ее с разными понятиями и, тем самым, через названия вскрывают разные свойства данной вещи» [8].

Именно этим признаком общелитературные синонимии соотносятся с одним и тем же понятием. В общелитературной лексике проблема синонимии имеет

положительное значение — они украшают речь, делают ее более экспрессивной, являются средством стилистической реализации текста.

Совершенно другое положение занимает данная проблема в специализированной лексике. Прежде всего, нужно иметь в виду, что научная речь имеет своей целью передачу информации, а не стилистической окраски. Стилистическая нейтральность термина является его неотъемлемым свойством, в терминологической стилистической синонимии не встречаются.

Целью данного исследования является проведение анализа явления синонимии в подязыке информатики и выявление основных характеристик английских синонимов с точки зрения:

- 1) количества терминов в синонимическом ряду;
- 2) структуры терминов, составляющих синонимические ряды и причины возникновения синонимии.

В результате исследования сокращений выборки объемом 2942 единицы, можно сказать, что все сокращения являются синонимами терминологическим сочетаниям, в результате стяжения которых они образованы. Также явление синонимии было выявлено между самими сокращениями. В исследуемой выборке сокращений насчитывается 18 структурных рядов, что составляет 0,6 % от всей выборки. Например,

1) **CAS < Column Address Strobe** — *строб адреса столбца*,

2) **CAS < Column Access Strobe** — *строб доступа столбца*,

3) **RAS < Row Access Strobe** — *строб доступа столбца*.

Все эти сокращения в равной степени передают значение — **строба доступа**, но в результате просмотра специальной литературы и электронных ресурсов на английском языке можно сказать, что сокращенная форма **CAS** используется чаще остальных.

В качестве примера сокращений, имеющих четыре элемента в структурном ряду могут быть приведены следующие:

ACE < Access Control Entry — *ЭСУД (элемент списка управления доступом); СУД (система управления доступом)*,

ACF < Access Control Field — *ЭСУД (элемент списка управления доступом); СУД (система управления доступом)*,

ACL < Access Control List — *ЭСУД (элемент списка управления доступом); СУД (система управления доступом)*,

ACS < Access Control System — *ЭСУД (элемент списка управления доступом); СУД (система управления доступом)*,

Данное сокращение имеет в своих рядах самое большое количество элементов — четыре. С количеством элементов — два в структурном ряду выявлено семь сокращения. Например,

EDO < Extended Data Output — *расширенный ввод/вывод*;

EDO < Enhanced Data Output — *ускоренный ввод/вывод*,

ECC < Error Checking and Correction — *коррекция одионочной ошибки*;

ECC < Error Correction Code — *система исправления ошибок*,

ILMI < Interim Local Management Interface — *временный протокол локального управления*;

ILMI < Integrated Local Management Interface — *интегрированный протокол локального управления*.

Кроме того, выявлено 10 сокращений, которые имеют по два — три варианта передачи.

Среди них можно выделить:

1. Графические варианты, т.е. отличающиеся только написанием.

Download имеет два варианта сокращений формы: **DL; D/L** – *скачать; загрузить*.

Pulse Rate имеет два варианта сокращений формы: **PR; гр** – *частота повторения импульсов*.

Графических вариантов выявлено в исследуемой выборке четыре, что составило 0,13% от исследуемой выборки.

2. Фонетико-графические варианты, т.е. такие варианты, которые отличаются вариантной передачей одного и того же терминологического сочетания в сокращенной форме:

Black and White имеет три варианта сокращенной формы: **B/W; BAW; B&W** – *устройство предохранения и взвешивания*;

Mega bit per second имеет два варианта сокращенной формы: **Mbps; Mbit/s** – *мегабит в секунду*. Таких вариантов в исследуемой выборке – 6, что составило 0,2% от исследуемой выборки.

В терминологии есть еще такой термин как «квасинонимы». Он означает термины с нетождественным, но близким значением, используемые в определенных условиях как равнозначные. Их можно считать частичными синонимами. Например, **АСЕ, АСФ, ACL, ACS** употребляются, как взаимозаменяемые друг друга и имеют значения: **ЭСУД (Элемент списка управления доступом)** и **СУД (система управления доступом)**.

Так, например, **АСФ, ACL** имеют значения как **ЭСУД**, так и **СУД**. А аббревиатура **АСЕ** – только как **ЭСУД** и аббревиатуры **ACS** – только как **СУД**.

Существование большого количества синонимов затрудняет процесс профессиональной коммуникации. Взаимопонимание между специалистами осложняется, а иногда оказывается просто невозможным, так как одно и то же понятие называют по-разному. Таким образом, синонимы создают трудности при

обработке научно-технической информации. Именно поэтому явление синонимии нежелательно для языка науки. Но, несмотря на это, они продолжают существовать и требуют более подробного рассмотрения, решения проблемы стандартизации и унификации различных терминосистем.

Библиографический список

1. Толикина, Е. Н. Синонимы или дублиеты? / Е. Н. Толикина // Исследования по русской терминологии. – М. : Наука, 1971. – С. 78.
2. Татаринцов, В. А. История отечественного терминоведения. В 2 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований / В. А. Татаринцов. – М. : Московский лицей, 1995. – С. 317.
3. Головин, Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – М., 1981. – 191 с.
4. Климовицкий, Я. А. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники. История отечественного терминоведения / Я. А. Климовицкий. – М., 1994. – С. 154 – 168.
5. Шевчук, В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике : дис. ... д-ра филол. наук / В. Н. Шевчук. – М. : Военный институт, 1985. – С. 229.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – С. 355.
7. Гринёв, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. – М., 1993 – 309 с.
8. Реформатский, А. А. Вопросы терминологии : материалы Всесоюзного терминологического совещания / А. А. Реформатский. – М., 1961. – 68 с.

ВОЛОДЬКОВА Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: e-mail: swom18@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2011 г.

© С. А. Володькова

Книжная полка

ББК 81.432.1/Ш37

Шевелева, А. В. Грамматика английского языка в презентациях [Текст] : учеб. пособие для студентов и бакалаврантов экон. специальностей / А. В. Шевелева ; Всерос. заоч. финансово-экон. ин-т (фил. в г. Омске). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – 79 с. – ISBN 978-5-8149-0958-7.

В настоящем пособии в краткой форме изложены основные теоретические вопросы грамматики английского языка. Предпринята попытка интерпретировать учебный материал в современной форме изложения - презентациях.

Учебное пособие содержит 141 слайд по грамматике английского языка с использованием примеров из оригинальных источников по экономике.

Рекомендовано методической комиссией филиала ВЗФЭИ в г. Омске для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов и бакалаврантов, обучающихся по экономическим специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент организации».

Учебное пособие предназначено для студентов экономических специальностей, изучающих английский язык.

ББК 81.432.1/С34

Сидоренко, Ю. Н. Особенности формирования английской биржевой терминологии [Текст] : монография / Ю. Н. Сидоренко ; ОмГТУ. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – 104 с. – ISBN 978-5-8149-1030-1.

В монографии рассматриваются основные способы образования английской биржевой терминологии с использованием социолингвистического подхода.

Рекомендуется лингвистам, терминоведам-теоретикам и терминологам-практикам, переводчикам и специалистам, интересующимся проблемами в области терминологии.

ВНУТРИОТРАСЛЕВАЯ СИНОНИМИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена явлению синонимии в немецкой экологической терминологии. В статье рассматриваются структурные особенности терминов-синонимов, выявляются причины, способствующие развитию данного явления, приводится классификация синонимов.

Ключевые слова: синонимы, синонимические ряды, немецкая экологическая терминология.

В данной статье рассматривается явление синонимии, которое широко распространено в терминосистемах различных областей знаний и по праву занимает одно из важнейших мест в терминоведении. Проводится анализ синонимов данной терминологии с точки зрения:

- 1) количества терминов в синонимическом ряду;
- 2) выявления причин, способствующих появлению синонимических рядов;
- 3) наличия абсолютных и относительных синонимов;
- 4) структуры терминов, входящих в синонимические ряды.

Проблема синонимии рассматривается в работах многих ученых-лингвистов: К.А. Левковской, А.А. Реформатского, В.П. Даниленко, С.В. Гринёва, Г.Ф. Курьшко и т.д. Каждый из них по-своему подходит к рассмотрению данной проблемы. Одни ученые признают факт существования синонимов, другие отрицают их наличие.

Так, например, В.А. Татаринцов пишет: «Таким образом, мы постепенно отходим от понятий абсолютных синонимов и синонимов-дублетов, поскольку их существование ставит под сомнение как само развитие науки, так и идейно-понятийное развитие терминоведения» [1].

А.А. Реформатский утверждает, что стопроцентные синонимы, т.е. те случаи, когда тождественна не только называемая вещь, но и понятие, не уживаются в языке и либо стремятся дифференцироваться по значению, либо один из синонимов уступает дорогу другому, а сам уходит в пассивный словарь или становится фактом диалекта, профессиональной речи, жаргона. И далее он пишет, что «синонимы могут существовать в языке при соблюдении формулы: «то же, да не тоже», т.е. два слова совпадая в одном, расходятся в другом. Если бы синонимы были целиком «то же», то существование их потеряло бы смысл; это было бы не обогащение словарного состава, а наоборот его засорение [2].

С.В. Гринёв пишет, что проблема синонимии наименований понятий и представлений существует как в специальной, так и в общеупотребительной лексике [3].

В лингвистической литературе нет и единого общепризнанного определения синонимов, как нет и единого подхода к установлению синонимичности.

В «Словаре лингвистических терминов» дается следующее определение синонимов: «Синонимы — это те члены тематической группы, которые принадлежат к одной и той же части речи и настолько близки по значению, что их правильное употребление в

речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [4].

А.А. Реформатский относит к синонимам слова, называющие те же вещи, но соотносящие ее с разными понятиями и тем самым, через название, вскрывающие разные свойства данной вещи [2].

К.А. Левковская называет синонимами лексические единицы, различные по звучанию, но совпадающие по понятийному содержанию, которые проявляют, однако, различие в их употреблении и имеют различные оттенки значения [5].

К терминологическим синонимам мы относим термины, которые соотносятся с одним и тем же понятием и реалией. Они выполняют в устной или письменной речи специалистов функцию замещения для обозначения и выражения одних и тех же понятий и предметов без какой-либо характеристики их свойств.

Лингвисты, занимающиеся проблемами синонимии, традиционно выделяют причины, способствующие широкому распространению данного явления.

Причинами возникновения синонимичных терминов чаще всего являются разные источники формирования терминов. Суперанская считает, что терминологические синонимы «легко возникают и как результат нового называния без оглядки на уже существующие единицы, и как проявление своей системности в терминах разных школ и направлений, и как результат заимствований» [6].

Г.Г. Ивлева называет среди источников формирования синонимических отношений следующие:

- 1) взаимодействие лексических слоев;
- 2) взаимодействие процессов заимствования;
- 3) словообразовательные процессы;
- 4) дифференциация вариантов слов;
- 5) лексикализация и др. [7].

Исходя из анализа экологической терминологической лексики, можно констатировать, что основными источниками возникновения терминов-синонимов являются:

- результат различного обозначения одного и того же понятия;
- реализация полного и неполного варианта терминов;
- результат использования аббревиатурных эквивалентов развернутых словесных обозначений;
- вследствие разной аффиксации и фонетического оформления терминов.

Исследование выборки немецких экологических терминов общим объемом в 2311 единиц показало, что 377 терминологических единиц, т.е. 16,3% терминов являются синонимами.

Синонимических рядов было выявлено 172.

Представим результаты количественных подсчетов в виде таблицы (табл. 1).

Как видно из таблицы, количество терминов в синонимическом ряду колеблется от 2 до 8. Наиболее распространенным является синонимический ряд, содержащий 2 термина, например:

Umweltschutz = Umweltvorsorge – охрана окружающей среды; **Abbau = Zersetzung** – распад, разложение; **Abgasbelastung = Abgasentwicklung** – загрязнение отработанными, выхлопными газами (атмосферы); **Abfallpolitik = Abfallwirtschaftsplan** – меры по устранению отходов;

По своей структуре отношения в синонимических рядах, содержащих два термина, могут быть представлены следующими парами, где ПТ – простой термин, СТ – сложный термин, ТС – терминологические сочетания:

1) ПТ + ПТ: **Abhitze = Abwärme** – тепло выхлопных газов; **Absumpfen = Absumpfung** – осушение болот; **Abwandern = Abwanderung** – миграция видов; **Roden = Rodung** – корчевание, корчевка; **Natur = Umwelt** – окружающая среда;

2) ПТ + СТ: **Abholzen = Kahlschlag** – сплошная рубка (леса); **Deponie = Ablagerungsplatz** – место свалки отходов; **Biom = Bioregion** – экологический чистый регион; **Recycling = Wiederverwertung** – повторное использование отходов;

3) СТ + СТ: **Abluftverbrennung = Nachverbrennung** – сжигание отработанных газов; **Abwasserkontamination = Abwasserkontaminierung** – (химическое или радиоактивное) загрязнение сточных вод; **Artenschutzabkommen = Artenschutzubereinkommen** – международный договор в области охраны окружающей среды; **Artenbestand = Artenzusammensetzung** – видовой состав (экосистемы);

4) СТ + ТС: **Abgrabungsgesetz = Gesetz zur Ordnung vor Abgrabungen** – закон о регулировании работ по обваливанию; **Umweltanpassung = Anpassung an die Umwelt** – адаптация к условиям окружающей среды; **Naturschutzarbeit = naturschutzerische Arbeit** – природоохранная работа;

5) ТС + ТС: **biologische Aktivitat = biotische Aktivitat** – биологическая активность (организмов); **klimatische Auswirkungen klimatologische = Auswirkungen** – климатические воздействия; **okologische Aufklarung = umweltbewusste Aufklarung** – природоохранное просвещение.

В исследуемой выборке выявлено 24 синонимических ряда, содержащих три термина, что составляет 14,8% от общего количества синонимических рядов. Например:

Grundwasserabsenkung = Absenkung des Grundwassers = Absenkung des Grundwasserspiegels – (искусственное) понижение уровня грунтовых вод; **Abgaskontrolle = Abgastest = Abgasuntersuchung** – проверка на наличие вредных веществ в выхлопных газах; **Abgasentgifter = Abgaskatalysator = Katalysator** – нейтрализатор выхлопных газов; **Akklimatisation = Heimischwerden = Klimaadaptation** – акклиматизация; **Hausabfalle = hausmullartige Abfalle = Hausmulldeponie** – бытовые отходы; **Abgase der Kraftfahrzeuge = Abgase der Verkehrsmittel = Abgase von Verkehr** – выбросы транспортных средств; **Ausdehnung = Ausweitung = Verbreitung** – расширение ареала обитания; **dominante Arten = dominierende Arten = Leitarten** – доминирующие виды.

Синонимических рядов длиной по четыре терминологических единицы в данной выборке оказалось семь. Приведем примеры:

Количественный подсчет терминов в синонимическом ряду

Длина синонимического ряда	Количество синонимических рядов	Количество терминов в синонимическом ряду
2 термина	126	252
3 термина	24	72
4 термина	6	24
5 терминов	4	20
6 терминов	2	12
7 терминов	1	7
8 терминов	2	16

Strahlenbelastung = Strahlendosis = Strahlenmenge = Strahlungsbelastung – доза облучения; **Abfallhalde = Abfallkippe = Abfallablagerung = Deponie** – свалка отходов; **Abstrahlung = Aussendung = Emission = Freisetzen** – излучение; **Umweltlizenz = Okolizenz = Okozertifikat = Umweltzertifikat** – лицензия на охрану окружающей среды; **Altlasten = Altstandorte = verseuchte Boden = kontaminierte Standorte** – нуждающиеся в санации загрязненные территории; **Adaption = Adaptation = Anpassung = Anpassungsfahigkeit** – адаптация, приспособляемость (к условиям среды);

Umweltangelegenheiten = Umweltschutzangelegenheiten = Umweltaktivitaten = Umweltschutzarbeit – экологические мероприятия.

Нами было выявлено три синонимических ряда, содержащих по пять и шесть терминов:

Aufkommen = Anfall = Angebot = Menge = Volumen – количество, объем (образующихся отходов); **Artenmannigfaltigkeit = Artendiversitat = Artenfulle = Artenreichtum = Artenvielfalt** – видовое многообразие; **Abtrieb = Abschwemmung = Abtragung = Abtreiben = Ausdrag** – смыл, снос;

Abwasseranlage = Klaranlage = Klarwerk = Abwasserbehandlungsanlage = ABA = Abwasserreinigungsanlage – водоочистное сооружение; **Aufrechterhaltung = Beibehaltung = Bewahrung = Erhaltung = Schonen = Sicherung** – сохранение, поддержание; **Akkumulation = Akkumulierung = Anreicherung = Anhaufung = Ansammlung = Kumulation** – аккумуляция, накопление.

И, наконец, нам удалось выявить по одному синонимическому ряду, состоящих из семи, и столько же из восьми терминов-синонимов:

Regenerierung = Rehabilitation = Rekultivierung = Renaturierung = Sanierung = Wiederurbarmachung = Wiederherrichtung – восстановление нарушенных земель;

с восьмью терминами:

Abscheidung = Abfangen = Abscheiden = Absonderung = Abtrennen = Abtrennung = Ruckhaltung = Trennung – отделение, задержание (вредных веществ, содержащихся в сточных водах).

В современном языкознании в плане тождества и различия семантики терминов принято различать абсолютные или полные и относительные или частичные синонимы.

Наиболее полную классификацию понятий и терминов, в которых описываются терминологические синонимы, приводит С.В. Гринёв [3].

В своей классификации он выделяет абсолютные и условные синонимы, и дает их подвиды. Например, абсолютные термины он делит на варианты и дублиеты.

Учитывая классификацию С.В. Гринёва, мы поделили термины-синонимы подъязыка экологии на абсолютные синонимы и условные синонимы.

Отношения между терминами-синонимами представлены в табл. 2.

В результате анализа исследуемой группы терминов были выделены следующие типы вариантов:

— **словообразовательные варианты**, различающиеся только словообразовательными аффиксами или моделью образования (порядком следования элементов) при тождестве элементов, например:

Abwasserkontamination = Abwasserkontaminierung ~ (хим. или радиоакт.) загрязнение сточных вод; **Abwandern = Abwanderung** ~ миграция видов; **Abwassererozonierung = Abwassererozonung** ~ озонирование сточных вод;

— **синтаксические варианты** — варианты терминов-словосочетаний, отличающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением между ними):

Naturschutzarbeit = naturschutzerische Arbeit ~ природоохранная работа; **Abnahme der Artenvielfalt = abnehmende Artenvielfalt** ~ уменьшение видового многообразия;

— **акронимные варианты**, образованные сложением начальных букв или звуков многокомпонентного термина:

ABW = Abwasserbehandlung ~ почвенная очистка сточных вод; **AbfBestV = Abfallbatterieverordnung** ~ распоряжение о порядке выявления отходов; **AbfBatfV = Abfallbatterieverordnung** ~ распоряжение о порядке обезвреживания и утилизации старых аккумуляторов и батарей;

Примерами терминологических единиц с различной лексической формой выражения, т.е. дублетов, являются следующие термины:

Temperaturabfall = Temperaturabnahme ~ понижение температуры; **Staubenentwicklung = Staubenerzeugung** ~ пылеобразование; **Anpflanzungen = Gelholze** ~ насаждения;

Условные — термины с нетождественным, но подобным значением, позволяющим в определенных условиях использовать их как равнозначные: **Umwelt = Natur** ~ окружающий мир, природа; **Atmosphere = Luft** ~ атмосфера, воздух; **Mull = Abfall** ~ мусор, отходы.

Таблица 2

Отношения между терминами-синонимами

Абсолютные синонимы		Условные синонимы
Варианты	Дублеты	

Итак, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

— явление синонимии характерно для немецкой экологической терминологии;

— среди терминов-синонимов выделяются абсолютные и относительные;

— большинство терминов-синонимов образуют синонимические ряды;

— в синонимические отношения вступают разные типы терминов: простые, сложные, терминологические сочетания.

Библиографический список

1. Татаринов, В. А. Общее терминоведение : Энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. — М. : Московский лицей, 2006. — 526 с.
2. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов / А. А. Реформатский. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 536 с.
3. Гринёв, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — 571 с.
5. Левковская, К. А. Теория слова / К. А. Левковская. — М., 1962. — 240 с.
6. Суперанская, А. В. Общая терминология : Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
7. Ивлева, Г. Г. Семантические особенности слов в немецком языке / Г. Г. Ивлева. — М., 1978. — 204 с.

РАИСОВА Айна Магжановна, ассистент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: r.aina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2011 г.

© А. М. Раисова

Книжная полка

ББК 81.432.1/Б43

Беликова, И. А. Особенности образования и стратегия перевода новых терминов компьютерной техники [Текст] : монография / И. А. Беликова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 130 с. — ISBN 978-5-8149-1008-0.

Монография посвящена теоретическим и практическим вопросам неологизации компьютерных терминов, их экстралингвистической обусловленности и структурно-семантическим особенностям. Особое внимание уделяется сложным терминам-неологизмам и многокомпонентным терминологическим сочетаниям. Обобщаются характерные для компьютерных терминов приемы перевода, описывается алгоритм перевода неологизма и определяется роль фоновых знаний в процессе трансляции термина.

Филиппов, А. В. Языковые контакты : учебное пособие / А. В. Филиппов, В. М. Панькин. — М. : Флинта Наука, 2011. — 160 с.

Словарь имеет научно-популярную направленность и может служить дополнительным учебным пособием при изучении вузовских курсов «Введение в языковедение», «Общее языковедение», «Сопоставительная грамматика русского и другого национального языка», для преподавания и изучения специального курса «Лингвистическая контактология». Для студентов гуманитарных специальностей.

ОБРАЗ «ЭПОХИ ПРОТИВОРЕЧИЙ» В КНИГЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО «ОТТИСКИ»

Статья посвящена исследованию особенностей архитектоники и поэтики лирической книги Якова Петровича Полонского «Оттиски». Книга рассматривается с учетом творческой эволюции поэта и в контексте литературного процесса второй половины XIX века. Имманентный анализ поэтической книги показывает содержание ее художественной формы и обнаруживает непосредственные связи процесса создания книги стихов со сменой культурной парадигмы в русской литературе. Автор приходит к выводу, что архитектоника поэтической книги «Оттиски» для Я.П.Полонского является знаком глубинных неразрешимых противоречий бытия.

Ключевые слова: лирическая книга, лирический цикл, архитектоника, поэтика, диалогический принцип, онтология.

Творчество Я.П. Полонского, безусловно, достойно внимательного научного исследования. Поэт прожил долгую жизнь в литературе (более пятидесяти лет) и все это время активно, хотя и не всегда однозначно отзывался на изменения, которые в ней происходили под влиянием исторических обстоятельств. Эту «неустойчивость» он сам называл «лабиринтом». Время требовало четких симпатий и антипатий, Полонский же сотрудничал с демократическими журналами «Современник», «Отечественные записки» и одновременно — с «Временем» и «Эпохой», державшимися иных позиций. Он дружил с А.Н. Майковым и А.А. Фетом, но и с М.Л. Михайловым, Н.А. Некрасовым. Он доказывал в своих стихотворениях преимущество поэзии «любви» (так он понимал «чистое искусство») перед поэзией «ненависти» (такова была, по его мнению, гражданская тематика творчества Некрасова), но создавал и остросоциальные произведения.

Вряд ли в России был другой поэт, успех которого у публики был настолько неустойчивым, недоброжелательность критики — столь резкой, а отзывы друзей и коллег — полны признания. В 1881 г. И.С. Тургенев писал Полонскому: «В одном тебе в наше время горит огонек священной поэзии. Ни А. Толстого, ни Майкова я не считаю! Фет выдохся до последней степени, а о гг. Минаевых и тому подобных и речи не может быть, <...> Ты один можешь и должен писать стихи» [1, с. 30]. Б.М. Эйхенбаум называл весь творческий путь Полонского «робким и неуверенным» и при этом восхищался поэтом как одним из создателей русского популярного романса. Уже такое разнообразие мнений, критических оценок определяет сегодняшний интерес к фигуре поэта как сложной, противоречивой, но в то же время обладающей внутренней целостностью и целеустремленностью. Есть еще одно свойство, придающее его поэтике чрезвычайную актуальность с точки зрения современного исследователя: это последовательное стремление к авторскому книготорчеству. Трудно назвать из числа его предшественников и современников другого поэта, столь же приверженного процессу выстраивания, созидания лирических книг, как Полонский.

Войдя в литературу в середине XIX в. (первый сборник «Гаммы» вышел в 1844 г.) как поэт, тяготеющий к составным контекстам, Полонский на протяжении всей творческой практики стремился группировать отдельные тексты в крупные формы: циклы, разделы

книг, лирические книги, собрания сочинений. Ключевым в его поэтических исканиях становится тяготение к макроструктурам, начиная с 1844 г., с первого сборника «Гаммы», до «Вечернего звона» (1885—1890) и Полного собрания стихотворений 1896 года. Эта настойчивая потребность в контекстовых объединениях возведена Полонским в доминирующий принцип поэтики.

В различные периоды творчества Полонский тяготеет к определенным разновидностям контекстовых структур. Его дебютная книга «Гаммы» представляет архитектурную модель, семантика которой отражена в заглавии. Гаммы — последовательное изложение тем и мотивов раннего творчества поэта, восходящих к тематическому репертуару романтизма, которые варьируются и перекликаются между собой с определенной степенью полноты, системности, законченности (не следует преувеличивать степень системности книжного единства вообще, а в особенности дебютной книги начинающего поэта).

В пятидесятые годы у Полонского появляются книжные структуры, организованные по диалогическому принципу. Высокая степень диалогичности творчества поэта отмечена многими учеными (Б.М. Эйхенбаумом, А.И. Лагуновым, О.В. Мирошниковой) [2—4]. Но если раннюю лирику характеризует диалог с традицией русского романтизма 1830-х г., с русской песенно-романсовой поэзией, то в период 1850—1870-х гг. контекст диалога расширяется. Диалогическое начало проявляется по-разному, на разных уровнях авторской поэтической системы. По-прежнему актуален диалог с современной поэтической культурой, выраженный с помощью аллюзий и реминисценций, появляются элементы диалогичности в композиции лирических текстов. Период отмечен активной литературной полемикой с представителями «гражданского направления» и творческими диалогами с дружеским окружением. Все перечисленное формирует многоплановую и содержательную, смысловую наполненность лирического пространства поэзии Полонского, а также создает возможность полноценного использования жанровых структур, отвечающих потребностям диалога.

Как итог многолетних раздумий, поисков и потерь в 1866 году в Санкт-Петербурге выходит в свет третья лирическая книга Полонского «Оттиски». Все, что волновало поэта, нашло отражение в темах, мотивах, идейно-эмоциональной атмосфере книги. «Оттиски»

могут быть отнесены к разряду этапных книг, так как суммируют результаты творческой деятельности определенного периода. Об этом говорит семантика заглавия. Оно не замкнуто семантическими рамками общезыкового значения, и многоплановые смыслы его раскрываются в процессе восприятия книги. Оттиск — это и отпечаток, «слепок» с современной поэту действительности, и повторение, «перепев» того, что было ранее. Две группы текстов поддерживают такое толкование: 1-я группа — стихотворения гражданской тематики, в которых девятнадцатый век оценивается поэтом как эпохальное время для судьбы России. 2-я группа текстов — стихотворения с традиционными для лирики Полонского темами любви и утраты, разочарования и надежды. Особое звучание получает тема места поэта в обществе. Так «образ и давление времени» (выражение Шекспира, которое использовал Тургенев при характеристике своих романов), исторический опыт сливаются с опытом душевным, теми оттисками, которые оставляют в душе поэта перипетии, страдания и радости любви.

Взаимодействием этих двух групп текстов определяется архитектура книги. Книжная структура строится по диалогическому принципу, в тематической композиции сталкиваются два комплекса, в сознании лирического героя борются два начала: страстная душа и холодный разум. Страстные романы сменяются рациональной гражданской лирикой, философскими размышлениями о судьбах Родины и месте поэта в новом времени. Романы задают интимно-личностный тон откровенного, полного страсти диалога двух влюбленных людей, теряющих свою любовь («Последний вздох», «Заплетя свои темные косы венцом», «Что за беда...», «Чужое окно» и др.). Стихотворения, осмысляющие проблемы современности, монологичны, на первый взгляд, но, по сути, они раздвигают пространство диалога, распространяя его за пределы книжного контекста. Читатель вовлекается в авторские раздумья, ему предлагают услышать голос Века: «Век девятнадцатый — мятежный, строгий век...» [5, с. 14], поразмыслить о новом времени.

Враждующие начала для Полонского — любовь-страсть и холодный разум. Этот конфликт делит образный мир книги на две сферы. Формально две тематические группы в книге почти не разграничены: нет выделения разделов, нет и их заглавий; однако, явно очерчен первый тематический комплекс из девяти стихотворений любовной тематики (II — X). С этим комплексом тематически перекликаются XIV и XVII стихотворения второй группы — «Поздняя молодость», «Обманутой». В большинстве стихотворений второй части развиваются гражданские мотивы, они представлены в оригинальном авторском переосмыслении. В них показаны «оттиски», оставленные суровым и мятежным веком в человеческой душе, разрушившие ее цельность и внутренний строй:

Кто любит без боли? Кто мыслит без страха?

Кого не тревожит упрек или плач? [5, с. 16]

Отзывчивость, чуткость поэта к драматической стихии бытия делает его существование особенно трудным; он оказывается наиболее ярким носителем духа времени. Поэтому не удивительно, что в книге появляется «пунктирный» цикл, связанный с мотивом творческой личности. К нему относится, прежде всего, стихотворение-эпиграф «Чтобы песня моя разлилась, как поток...», в котором воссоздано двойственное состояние души поэта и раскрывается противоречивость его лирики. В ней борются тьма и свет, пессимизм и жизнеутверждающее начало. Основная тональность текста-эпиграфа оптимистична: «не тем-

ная ночь», а «горячий восток», восход солнца должен определять колорит поэзии Полонского, но светлые краски с трудом пробиваются сквозь тьму и туман ночного века, ночной души, колорит всей книги поэтому оказывается двойственным. Особенно насыщены драматизмом тексты, в которых автор размышляет о судьбе великих художников. Это лирические миниатюры-послания «Ф.И. Тютчеву», «Шекспиру», «Поэту-гражданину» и маленькие лирические поэмы «Хандра и сон Ломоносова» и «Жалобы музы».

Диалогичность поэтической книги Полонского не столько выражена в ее архитектурных формах (четком расположении контрастных компонентов, рамочном тексте — он, кстати, выглядит рыхлым, неполным; в основном, ограничивается заглавием книги и некоторых текстов). Диалогичность, конфликтность характеризует каждый текст, он становится своеобразным маркером, которым отмечена общая атмосфера жизни и состояний человеческой души. Противоречивость бытия обнаруживается в творениях современного художника. В стихотворении «Век» персонифицированный дух времени обращается к нему с призывом писать, творить, но при этом утверждает, что поэт обречен на вечную двойственность, гармония недостижима не только в жизни, но и в поэзии:

Твоя вселенная — брожение сил живых,

Но бессознательных, — творящих, но слепых... [5, с. 14]

Любопытно, но книга Полонского — само живое свидетельство неупорядоченности, «шероховатости», неприглаженности, дисгармоничности сущности «нового века». Тексты ее неравноценны по своей эстетической значимости, художественной ценности. Некоторые приемы, особенно в поэмах, кажутся архаичными; это прямолинейные аллегории, неожиданные аналогии. Таково, например, рискованное сопоставление красоты и смелости «свободной мысли» со «свободной» куртизанкой Фриной в одноименном стихотворении. Неудачным, на наш взгляд, оказывается и стихотворный эксперимент — попытка верлибра, заключительное стихотворение книги «На ранних могилах». Вместе с тем Полонский, безусловно, находит органичный для собственного дара и для тематики книги жанр лирико-медитативной миниатюры. К нему относятся лучшие тексты: «Чтобы песня моя разлилась, как поток...», «Время новое повеяло, смотри...», «И в праздности горе, и горе в труде» и др. «Оттиски» в значительной степени оставляют впечатление книги переходной от начального этапа творчества поэта к более зрелому, книги поисков, противоречий. Однако в качестве фактора, определяющего ее единство, следует назвать, прежде всего, ее лирическую тональность, особую идейно-эмоциональную атмосферу. Полонскому удалось найти «звук» времени.

Таким образом, можно сказать, что «рыхлая», недостаточно выстроенная архитектура книги, ее «мрачная» художественная онтология по-своему отражают авторское представление о глубинных неразрешимых противоречиях бытия. Антиномичность обнаруживается и в душевном опыте индивидуума, и в объективном историческом процессе, и в поэтическом творчестве. Таковы печальные трагические «оттиски» времени.

Библиографический список

1. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений [Текст] В 28 т. Т. 7. Письма / И. С. Тургенев. — М.; Л.: Наука, 1964. — 547 с.

2. Эйхенбаум, Б. М. Я. П. Полонский [Текст] / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. — Л. : Советский писатель, 1969. — С. 234-277.
3. Лагунов, А. И. Лирика Якова Полонского [Текст] / А. И. Лагунов. — Ставрополь : Изд-во СГПИ, 1974. — 128 с.
4. Мирошникова, О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика [Текст] / О. В. Мирошникова. — Омск : ОмГУ, 2003. — 338 с.
5. Полонский, Я. П. Оттиски : стихотворения Я. П. Полонского [Текст] / Я. П. Полонский. — СПб. : Тип. Н. Тиблена и К° (Н. Нелюдова), 1866. — 60 с.

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры массовой информации и коммуникации.
Адрес для переписки: e-mail: buumm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2011 г.
© И. С. Назарова

УДК 81-112

К. Р. ВАГАНОВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛЬНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ РУБЕЖА XIX—XX вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «ОМСКИЙ ВЕСТНИК» И «ОМСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»)

В данной статье жанровые особенности театральных объявлений рубежа XIX—XX вв. рассматриваются на омском материале; выявляются их структурно-семантические параметры и делаются выводы о региональной направленности театральных объявлений.

Ключевые слова: коммуникация, речевой жанр, театральные объявления.

На современном этапе развития региональной лингвокультурологии одной из первоочередных задач может быть названа проблема определения общей для языка и культуры «онтологической платформы». Для этого необходимо рассмотреть структурирующие её языковые единицы, которые выступают как средство аккумуляции культуры носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность [1]. Все эти составляющие *работают* на моделирование лингвокультурного пространства, при котором порождение речевого потенциала (или, что синонимично, продуцирование языковых единиц) погружено в исходный контекст (в данном случае — в материал дореволюционных печатных изданий г. Омска) и реализует коммуникативную функцию автора. Составитель объявлений не просто перекодирует уже имеющуюся у него информацию о том или ином событии, перед ним стоит целый ряд задач, которые сводятся к следующему: таким образом преподнести материал о предстоящем культурном (точнее — театральном) мероприятии, чтобы увеличить число зрителей и, соответственно, повлиять на *массовость*. Таким образом, от оратора ожидают «соответствия институциональным факторам, культурному окружению, а также стремления побудить аудиторию к действию» [2].

Отметим, что в рассматриваемом направлении региональной культурологии к числу базовых принадлежит понятие «сферы социальной деятельности» («сферы деятельности и общения»). Его применение необходимо для выделения и описания различных типов культуры социума — научной, театральной,

правовой, художественной и др. [3, 4]. Как видим, есть основания для осмысления театральных объявлений в ряду объектов региональной лингвокультурологии.

Материалом для нашего исследования послужили театральные объявления, которые публиковались в региональной прессе: газетах «Омский вестник» и «Омский телеграф» за 1908—1918 гг. Средства массовой информации являются обширным источником по изучению городской культуры Омска. Они наиболее подробно репрезентируют репертуар омских театров широкому кругу его почитателей. В свою очередь, театр является одним из тех проявлений художественной жизни Омска, которая прямым образом способствует консолидации его населения и вместе с тем демонстрирует его особое положение среди других городов.

История омского театра и, соответственно, репертуара конца XIX — начала XX вв. даёт интересный материал для рассмотрения проблемы места и роли театра в провинциальном городе в лингвокультурном аспекте. Театр конца XIX — начала XX вв. был центром культурной жизни города, своеобразным «клубом», где встречались горожане вне сословной градации. Он выполнял и особую коммуникативную функцию: мы имеем в виду своеобразное взаимодействие адресатов («актёров») и адресантов («зрителей»), когда коммуникативные импульсы всех участников данного речевого процесса находятся в необходимом отношении знаковой координации и соединяются на сцене.

Омский провинциальный театр развивался как самостоятельное культурное явление. В русле общест-

венной жизни страны он откликался на запросы эпохи. Заимствуя достижения столичного театра, омский театр сам обогатил его и, в первую очередь, блестящими мастерами, прошедшими школу театральной периферии. Изучение репертуара омского, провинциального театра дало возможность принципиально нового подхода к театру в небольшом городе как части единой, сложной общерусской театральной системы.

Театр — один из вариантов городской культуры, которая предстаёт в форме диалога, получающего выражение как в духовной, так и в материальной культуре. В центре данного исследования находится проблема, весьма характерная для театра провинции второй половины XIX — начала XX вв., — проблема взаимосвязи театра и города. Театр в его меняющихся формах, обусловленных эволюцией русского сценического искусства, является ведущим слагаемым данной проблемы [5].

В состав понятия «театр и город» обычно включают публику, реальную и потенциальную, уровень восприятия и уровень требований к театру разных категорий населения, отношение к театру местных властей, систему управления театром. Для нашего исследования целесообразнее включить в рассматриваемое понятие и средство трансляции культурных и театральных знаний — дореволюционные газеты Омска рубежа XIX — XX вв.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось бурным развитием местной прессы. В этот период в Омске начинают издаваться такие печатные органы, как «Омский телеграф», «Омский вестник», «Омское слово», «Степь», «Степная газета», «Вестник Сибири». Отметим, что только «Омский телеграф» и «Омский вестник» выходили в течение десятилетия, остальные издавались непродолжительное время: с 1906 по 1908 гг.

«Омский вестник» представляет собой ежедневную общественно-литературную, экономическую газету, выходившую в Омске с 1909 по 1918 гг. в издательстве «Иртыш», первыми редакторами которого были Д.С. Муромцев, Е.С. Иванова, Ф.Т. Фронцкевич. Расположение материала в газете было строго структурировано: первая и четвёртая полосы заняты рекламными объявлениями, вторая и третья содержали материалы об общественно-политической жизни всей России со следующими рубриками: «Дневник печати», «Парламентская жизнь», «Рабочая жизнь», «По России», «За границей», «По Сибири». Данная газета отражала и жизнь Омска: рубрики «Местная жизнь» и «Наш край» рассказывали о работе Городской думы. В них публиковались статьи о деятельности Н.М. Ядринцева, М.М. Сиязова, произведения А. Сорокина, Г. Вяткина.

В качестве другого источника для реконструкции городской лингвокультуры сквозь призму театральных объявлений был выбран «Омский телеграф», который издавался ежедневно в период с 1907 по 1917 гг. под руководством Е.В. Познера и И.М. Познера и отражал текущие события, происходившие в Омском Прииртышье [6]. В названии газеты уже заключён сам характер задачи материала: оперативность и актуальность. Информация о событиях общественно-политической жизни России и Европы была доминирующей и освещалась рубриками «Телеграммы: внутренние, иностранные», «По России», «За границей», «По Сибири», «Отклики войны», «Литературная летопись», «Научные известия», «Библиография». Местный материал занимал достаточно скромное место: в основном, это были отчёты с заседаний Городской думы, хроника событий по Акмолинской обла-

сти, информация о культурной жизни города (гастроли театров, отзывы о концертах, вечерах).

Культурная ситуация строго локализовала фиксацию омских театральных объявлений в газетах на рубеже XIX — XX вв.: они располагались на первой полосе в первой колонке («на передовице») и в последней колонке на третьей полосе. Рубрики имели следующее название: «Омский городской театр» и «Театральная хроника». Информация о театральных постановках всегда давалась на всю неделю вперёд, что определялось и коммерческой направленностью этого жанра.

Объявления рубежа XIX — XX вв. — это своеобразный прототип современных театральных и телевизионных анонсов (рис. 1 и 2) [7].

Понимание текста как знаковой культурной модели сопряжения коммуникативно-ценностных деятельности отправителя и адресата — полагаяемого реципиента сообщения (то есть читателя газет) — имеет существенное значение для рассмотрения отдельных сторон организации текста объявления, его композиции, логики, семантики, грамматического устройства и стилистической принадлежности. Все эти структурно-семантические параметры являются отдельными аспектами общего сопряжения коммуникативных деятельностей, в чём несложно убедиться, обратившись к приведенному ниже структурному анализу текста объявлений.

Омские театральные объявления всегда чётко структурированы, что даёт возможность предположить существование определённого трафарета, газетного шаблона таких объявлений. Выделим следующие структурно-семантические единицы текста объявлений в рубрике «Омский городской театр», которая непосредственно информировала читателя о предстоящих театральных постановках:

1. **Название пьесы** всегда было стилистически маркировано: оно занимало большую часть объявлений, всегда писалось строчными буквами и строго по середине. Заглавная (тительная) часть впоследствии получает название «логотип» и будет занимать важнейшее место среди средств, создающих узнаваемый и привлекательный для читателя образ издания (рис. 3 и 4) [7].

Графическая индивидуальность заглавия в дореволюционных омских газетах определяется, в первую очередь, нестандартным рисунком шрифта, а именно — использованием заглавных букв в сопоставлении с основным текстом театрального объявления (рис. 3) или эффекта разряжения (рис. 4).

2. Номинация **дня недели** была обязательным компонентом в театральных объявлениях и входила в комплекс заглавия. Это было объективно необходимо. Спектакли Омского драматического театра проходили ежедневно, информация о которых должна была подаваться своевременно. В качестве «транслятора» этих знаний выступила омская дореволюционная пресса, также выходившая ежедневно. Выбор синтаксической конструкции «предлог *на* + номинация дня недели в форме винительного падежа»: *на понедельник, на вторник, на среду, на четверг, на пятницу, на субботу, на воскресенье* — определяется коммуникативными задачами текста: чётко и достоверно сообщить читателю о предстоящих постановках.

3. **Точная дата** спектакля давалась с указанием дня и месяца и также считалась основной структурно-семантической единицей текста театрального объявления. Номинация времени всегда давалась в форме именительного падежа: *12 июля, 29 июля, 5 февраля, 1 марта, 1 мая*.

4. **Вербальная «презентация»** предстоящего спектакля на омской драматической сцене была частотна

В среду, 9 октября, первый общедоступный спектакль. Цены от 17 к. до 2 р.
 Представлено будет во 2-й раз **Рабочая слободка.** Драма, в 5 действиях, Ев. Карлова
 Новые декорации.

Рис. 1.

В четверг, 10-го октября, представлено будет в 1-й раз на эдашней сцене,
 репертуара Московскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Малаго театра
Насильники. Комедія, в 5 действияхъ, соч. графа
 Ал Н. Толстого.
 Режиссеры: В. В. Кумельскій и Н. Н. Шестовъ

Рис. 2.

В пятницу, 17-го октября,
 представлено будет во 2-й раз **МОРЯКИ.** пьеса в 5 действияхъ С
 Гарина

Рис. 3.

В воскресенье 20-го октября вечерній спектакль представлено будет: репертуара
 СПб. Малаго театра **Веселая исторія,** комедія в 4 действияхъ Ф.
 Фальковскаго

Рис. 4.

в случае первой постановки. Составители объявлений понимали, что зритель должен будет заинтересоваться спектаклем, прочитав аннотацию о нём. Поэтому в объявлениях после определения времени театрального действия давалось описание спектакля, содержащее основные его характеристики, рассчитанные на «завлечение зрителя»: *первый общедоступный спектакль, в первый раз на эдашней сцене репертуара Московскаго Императорскаго Малаго театра, известный спектакль.*

5. **Жанровая характеристика** пьесы указывалась в театральных объявлениях на одной линии с названием пьесы в правом углу. Здесь следует сказать о характере самих постановок и театральной политики 20-х гг. XX в. Театр функционировал в контексте городской публики, в которой выделялись группы с самыми разнообразными потребностями. Их поведение во многом вытекало из принадлежности к той или иной субкультуре, которая и определяла социальный образ театра.

Известно, что в 1911 г. омскую антрепризу поставил П.О. Заречный. Главным режиссёром у П.О. Заречного служил А.А. Туганов. Труппа Заречного продолжала ту же театральную линию — линию постепенного ухода от социально-политических тем, ухода от действительности, столь характерную в годы реакции для большей части растерявшейся мелкобуржуазной интеллигенции. Репертуар Заречного в основном состоял из бытовой, из узкосемейной и психологической темы драмы («Гвардейский офицер», «Вторая молодость», «Власть плоти», «Мирра Эфрос»). Во всём чувствовалась приглушённость, нивелированность чувств, стремлений. На первый план выдвигаются такие спектакли, как «Синяя птица» Метерлинка, «Эдип» Софокла и некоторые другие. Впервые для омской сцены ситуация постановочного репертуара оказалась такой: доминирующее место в них занял формальный режиссёрско-постановочный эксперимент. Поиск новых, неожиданных театральных форм за счёт идейного общественно-политического звучания

— *«Ревность» пьеса М. П. Арцыбашева. Театральная агентура сообщает, что пьесу Арцыбашева: «Ревность» купила артистка Гондatti для гастрольных спектаклей по Сибари (дирекция Орлова). Ввиду этого постановка «Ревности» — в двух актах антрепризой с 1-го декабря 1913 г. за продается антре с 1-го августа 1914 года. Принимая во внимание это обстоятельство дирекция П. О. За рѣчного намѣрена поставить эту пьесу до 1-го декабря с. г.*

Рис. 5.

спектакля — вот что становится основой этих постановок. Несмотря на реакционные тенденции, Омский театр осуществлял на своей сцене в 1911 г. постановку новых пьес А. М. Горького «Чудаки» и «Васса Железнова», а в 1912 г. — «Мещане», которые вызвали горячий отклик в передовых кругах зрителей, но были встречены молчанием буржуазной критики.

Наличие других словесных характеристик театральной постановки в данной рубрике никак не регламентируется и потому целиком зависит от культуры самого издания: чем более полное представление о нём даёт объявление, тем лучше [8].

Рубрика «Театральная хроника» преследовала другие цели: она представляла отчёт зрителей, театральных и музыкальных критиков, посетивших спектакли и желающих рассказать об этом читателям. В этом случае мы говорим о появлении жанровой модели «заметки», в структуре которой в качестве доминанты выступает краткое изложение результата изучения. Важным становится сигнализирование о существовании события, основных чертах его чертах. Авторы этой рубрики давали краткую характеристику спектаклям, уже поставленным на сцене театра. Характеры героев, особенности самой постановки, язык пьесы — всё получало оценку со стороны критиков и зрителей (рис. 5) [7].

Данная рубрика уже несла иную коммуникативную и стилистическую нагрузку, а именно — функцию воздействия на непосредственного адресата. Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информировав человека о состоянии окружающего мира и непосредственно заполняя его досуг, СМИ (в данном случае — дореволюционные газеты г. Омска) оказывали влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия.

Дореволюционные газеты «Омский вестник» и «Омский телеграф» создают определённую текстуально-идеологизированную «аудиоиконоферу», в которой находится омский житель начала XX в. и которая служит чёткой концептуализации театральной действительности. Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что общество выступает как «генератор социального гипноза», попадая под влияние которого мы становимся «согласованно живущей ассоциацией, именно в СМИ наиболее отчётливо проявляется воздействующая функция языка» [9].

При переходе от коммуникативной деятельности отправителя (автора театральных объявлений) к тек-

сту объявлений и далее к коммуникативной деятельности реципиента (читателя объявлений и потенциального зрителя), сохраняется не только определённое общее коммуникативное содержание, но и его ценностная составляющая, выдерживается преемственность этого содержания при смене формы его воплощения (от написания к прочтению «про себя» или «вслух»). Последняя составляющая текста театральных объявлений представлена то живой деятельностью коммуниканта, то предметно-знаковым замещением живой деятельностью коммуниканта. Отправителем сообщения вкладывается в текст некоторая знаковая модель, или программа коммуникативной деятельности, наполненная ценностным содержанием. Данная программа при успешной коммуникации реально осуществляется в виде живой коммуникативной деятельности реципиента [10].

Региональная лингвокультурология, репрезентируемая в театральных объявлениях омских газет, — это не случайный, хаотический процесс произвольного столкновения деятельностей людей и их ценностей миров. Но это, разумеется, и не жёстко заданный механический процесс актуализации культурных единиц системы языка. Исследование развития культурных структур в диахронии — ближайшая перспектива лингвокультурологии в региональном аспекте.

Библиографический список

1. Пименова, М. В. Язык и культура: проблемы категоризации [Текст] / М. В. Пименова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: матер. ежегодной Межд. науч. конф., Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г. — Екатеринбург, 2010. — Ч. II. — С. 158–172.
2. Демьянков, В. З. Продукция, или Порождение речи [Текст] / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — С. 129–134.
3. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) [Текст] / Э. С. Маркарян. — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
4. Морфология культуры: Структура и динамика: учеб. пособие для вузов / В. Г. Аванесова, Э. В. Бабаков; сост. и отв. ред. Э. А. Орлова. — М.: Наука, 1994. — 415 с.
5. Дмитриенко, Н. Перелистывая старые газеты [Текст] / Н. Дмитриенко // Иртышский вертоград: сб. / ред.: А. И. Ашплатов, А. И. Литовченко, А. И. Шихов. — М.: Московский писатель, 1998. — 357 с. — ISBN 5–88067–037–6.

6. Ландау, С. Г. Из истории драматического театра в Омске [Текст] / С. Г. Ландау. — Омск, 1950. — 600 с.

7. Омский телеграф [Текст] : газета. — 1913, № 215.

8. Дизайн газеты и журнала: учеб. пособие [Текст] / В. В. Волкова [и др.] ; под ред. В. В. Волковой. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 224 с. — ISBN 5-7567-0281-4.

9. Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов [Текст] / Под ред. М. Н. Володиной ; [рец. : д-р филол. наук, проф. М. Л. Ремнева, д-р филол. наук, проф. Я. Н. Засурский], Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филол. фак. — М. : Альма Матера : Академический проект, 2008. — 758 с. — ISBN: 978-5-8291-0991-2. — ISBN: 978-5-92076664-3.

10. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса [Текст] / Е. В. Сидоров. — М. : URRS : Изд-во ЛКИ, 2007. — 232 с. — ISBN: 978-5-382-00516-4.

ВАГАНОВА Ксения Ринатовна, соискатель кафедры исторического языкознания.

Адрес для переписки: e-mail: vaganova1988@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.11.2010г.

© К. Р. Ваганова

Книжная полка

ББК 81.432.1/Ч-93

Чурилова, И. Н. Неологизмы в театральной терминологии английского языка конца XX — начала XXI вв. [Текст] : монография / И. Н. Чурилова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. — 181 с. — ISBN 978-5-8149-1009-7.

В монографии рассматривается театральная терминология в английском языке, появившаяся после 1990 г. в социолингвистическом освещении. Значительное внимание уделяется способам формирования новых театральных терминов, их экстралингвистической и лингвистической обусловленности. В целостной форме представлена система современной театральной терминологии, выявлены ее особенности и правила адекватного перевода.

Рекомендуется филологам, терминологам, переводчикам, а также преподавателям, студентам, аспирантам театральных учебных заведений и учебных заведений культуры и искусства и всем, интересующимся проблемами терминологии.

Мокиенко В. М. Почему мы так говорим? От ветхого Адама до долгого ящика : справочное пособие / В. М. Мокиенко. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 480 с. — ISBN: 978-5-373-04087-7.

Данный историко-этимологический справочник рассказывает о происхождении самых загадочных выражений и пословиц русской речи, к которым постоянно приковано внимание читателей, интересующихся культурой слова. Он состоит из очерков, раскрывающих историю каждого выражения. В большинстве из них предлагается расшифровка самых спорных и непонятных по происхождению оборотов.

Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования [Текст] / В. Б. Суляян [и др.] ; под ред. В. Б. Суляяна ; Ин-т США и Канады РАН. — М. : Магистр, 2009. — 399 с. : рис., табл. — Библиогр. в середине кн. — ISBN 978-5-9776-0120-7.

Монография является первой в России попыткой комплексного изучения опыта исследовательских университетов США как главного звена американской академической науки и высшего образования. Дан анализ структуры и тенденций развития науки и образования США в эпоху «экономики знаний», механизмов интеграции и организации науки и образования, роли государства в развитии университетов и научных исследований. Отдельные главы монографии посвящены механизмам финансирования науки и образования, кадровому потенциалу высшей школы, месту инженерного образования в американских университетах.

Рассмотрены вопросы инновационной деятельности вузов, роль университетов в региональном развитии, международные научные обмены вузов. Подробно освещена научная и учебная деятельность ряда ведущих американских университетов, организация студенческой жизни.

ББК 60.6/Э15

Эверитт, Б. С. Большой словарь по статистике [Текст] / Б. С. Эверитт ; науч. ред. пер. И. И. Елисеева. — 3-е изд. — М. : Проспект, 2010. — 731 с. — Библиогр.: с. 731. — ISBN 978-5-392-00420-1

Словарь включает объяснение статистических терминов и процедур, сведения о ведущих статистиках. Основное внимание уделяется байесовской статистике, методам, «свободным от распределения». Статистические термины охватывают математическую, прикладную, медицинскую статистику. Словарь включает многообразный спектр терминов, связанных с клиническими испытаниями, планированием эксперимента, проверкой статистических гипотез. Кроме определений и пояснений терминов представлены формулы и графики. Для удобства пользователя в начале книги приводится список словарных статей на русском языке с параллельным переводом на английский.